

НА СНИМКЕ – ТРЕТИЙ

18+

Арион

На снимке — третий

«Автор»

2026

Арион

На снимке — третий / Арион — «Автор», 2026

После смерти отца судебный фотограф Вера Ланская возвращается в приморский Керн. В запертой домашней лаборатории она находит мокрый негатив: на первых кадрах у заброшенного санатория стоят двое подростков, а на последнем между ними возникает третья фигура. На следующий день одного из снятых находят мёртвым. Положение тела повторяет старую фотографию, а рядом появляется новый снимок, которого никто не делал. Двадцать лет назад в «Прибое» исчезла тринадцатилетняя Лида Резник. Теперь Вере предстоит восстановить ту ночь, отделить подстроенные чудеса от настоящих улик и понять, что успел обнаружить её отец. Но чем ближе расследование к затопленным подвалам санатория, тем чаще камера замечает то, чего нет перед объективом.

© Арион, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мокрый негатив	5
Глава 2. Человек на волнорезе	13
Глава 3. Красный свет	22
Глава 4. Те, кто ходил в «Прибой»	31
Глава 5. Кожа под ногтями	41
Глава 6. Четвёртая дверь	50
Г	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

На снимке — третий

Глава 1. Мокрый негатив

Отец лежал в закрытом гробу, и это злило Веру сильнее, чем его смерть.

Крышку обтянули серым сукном. По краю шёл серебряный шнур, на одном углу уже распустившийся в грязную кисточку. Человек из похоронной службы дважды предлагал всё поправить, но тётка Нина отмахивалась: какая теперь разница.

Разница была.

Вера много лет снимала то, от чего другие отворачивались. Разбитые лица, руки из-под брезента, комнаты после пожара. Она знала цену последнему взгляду и знала другую вещь: закрывают обычно не для мёртвого.

— Сердце, — сказал Илья Корсаков, будто отвечал на вопрос. — Соседка увидела свет утром. Он сидел в лаборатории.

Вера посмотрела на его форменную куртку. На плечах темнели капли. Илья успел расползеться, сбрил рыжую школьную бороду, обзавёлся двумя складками у рта. Глаза почти не изменились — серые, близко посаженные, всегда виноватые за то, чего он ещё не сделал.

— Врач был?

— Был.

— Кто?

Илья помедлил на четверть секунды.

— Шевцов.

За окном поселкового клуба море толкало ветер в стекло. Август в Керне всегда притворялся осенью. На крыльце курили портовые, пряча огонь в ладонях. Дым просачивался внутрь вместе с мокрыми людьми и запахом дешёвой гвоздики из венков.

— Почему закрытый?

— Вера.

— Я спросила.

— Упал лицом на ванну с раствором. Потом на пол. Там... цвет плохой.

Он сказал это тихо, без служебной осторожности. По-дружески. Вот только друзья не сообщают о смерти отца через дежурного городского отдела через восемнадцать часов после того, как найдено тело.

Вера коснулась крышки двумя пальцами. Сукно было сухим и тёплым от душного зала.

— Раствор какой?

— Не знаю.

— Ты заходил?

— До порога.

— Значит, видел кюветы.

— Я не фотограф.

— Антон Ланской тоже не был фотографом.

— Последние годы был.

Вера отняла руку. На подушечках осталась серая пыль.

У стены кто-то всхлипнул. Тётка Нина бросила на них взгляд, полный церковного осуждения, хотя отпевать Антона не повезли. Он сам просил. Или тётка так сказала.

Вера не плакала. В самолёте ей казалось, что начнёт, когда увидит дом. Потом — когда увидит гроб. Теперь она ждала кладбища, словно слёзы могли задерживаться из-за плохой дороги.

— Ключи у тебя? — спросила она.

— Дом опечатан не был.

— Это не ответ.

Илья достал из кармана связку. Между двумя плоскими ключами висел белый кит из пластмассы. Вера выиграла его в тире, когда ей было двенадцать. Тогда кит был синим.

— Нашёл у него в руке, — сказал Илья. — Лаборатория запирается изнутри. Дверь пришлось выбить.

— А это ты решил оставить на потом?

— Смерть признали естественной.

— Запертая комната, ключ в руке.

— В доме никто не прятался.

— Ты искал?

Илья сжал челюсть.

Вошла тётка Нина. Поправила на груди чёрный платок, хотя тот лежал ровно.

— Люди прощаться пришли, а вы допрос устроили. Даник, Господи прости, мог бы хоть сегодня форму снять.

Илью Даником не звали. Тётка путала имена всех мужчин младше шестидесяти и считала это их недостатком.

— Мы закончили, — сказал он.

— Нет, — сказала Вера.

Но гроб уже подняли.

На кладбище дождь пошёл по-настоящему. Глина липла к каблукам, чёрные зонты сталкивались, и священник из соседнего посёлка торопился к машине. Вера смотрела, как серый прямоугольник опускается между мокрых стенок могилы. Верёвка скрипнула. Один из носильщиков выругался сквозь зубы.

Вот тогда внутри что-то дрогнуло — не горе, а телесная тревога. Как в секунду перед падением тяжёлого шкафа, когда уже понимаешь, куда он пойдёт, но ещё можешь убрать ногу.

Крышка скрылась внизу.

К могиле подошёл Шевцов. Он снял перчатку и бросил землю голой рукой. На внутренней стороне запястья белела полоса кожи от часов; сами часы были повернуты наружу.

— Антон был упрямым человеком, — сказал он Вере. — Иногда это спасало людей.

— А иногда?

— Иногда мешало ему остановиться.

— Вы виделись перед смертью?

— Он приходил в пансионат. Хотел поднять старые журналы. Я объяснил, что архив утрачен.

К ним подошла Марина Резник. Зонт она не раскрывала.

— Хорошим следователем был? — спросила она. — Скажи это Лиде.

Шевцов не посмотрел на неё.

— Сегодня не место.

— Место подходящее. Земля уже открыта.

Илья встал между ними. Марина отступила сама.

— Дом не продавай, — сказала она Вере. — Пока не найдёшь, что он спрятал.

— Что именно?

— Если бы знала, уже забрала бы.

Она ушла. Шевцов задержался.

— Горе делает людей жестокими.

— Двадцать лет — это уже не горе?

— Это привычка жить внутри него.

Он произнёс фразу как диагноз. Большой палец дважды потёр нижний коренной зуб через щёку.

Павел стоял у ограды, мокрый без зонта. Встретился с Верой глазами и отвернулся. Светлана села в машину, не подходя. Все трое снова оказались рядом и сделали вид, что друг друга нет.

Павел изменился сильнее Ильи. В школе он был тонким, быстрым, всегда первым лез на пирс в шторм. Теперь плечи раздались, на лбу появилась белая полоска старого шрама. На нём была форма спасательной станции, хотя дежурство закончилось утром. Он держал в руке телефон и не смотрел на экран, пока тот не погас.

Светлана завела машину, но не уехала. Дворники прошли по стеклу один раз, второй. Через мокрое боковое окно Вера увидела её профиль и красную заколку над ухом. Не бабочку, обычную пластмассовую полоску. Светлана заметила взгляд, выдернула заколку и бросила на соседнее сиденье.

Павел подошёл к машине. Светлана приоткрыла окно. Их разговор занял несколько секунд. Вера не слышала слов, только увидела, как Павел показал на неё подбородком, а Светлана резко повернула ключ. Машина рванула с места и обдала могильную ограду водой.

— Они знали, что Антон нашёл плёнку? — спросила Вера.

Илья проследил за машиной.

— Спроси у них.

— Павел убежит.

— Павел вытаскивает людей из моря. Бегают он плохо.

Шутка не получилась. Илья первым отвёл глаза.

Вера вспомнила отцовское сообщение, пришедшее три недели назад.

«Нашёл твою плёнку. Здесь вас трое».

Она не ответила. Решила, что он опять хочет завести разговор о прошлом обходным путём. Отец никогда не просил прямо. Присылал фотографию ржавой калитки, если скучал. Спрашивал, не знает ли она хорошего кардиолога, когда хотел, чтобы приехала. Однажды отправил пустое сообщение, и Вера целый вечер ждала второе. Не дождалась.

После кладбища люди вернулись в клуб. Тётка Нина велела Вере ехать с ними, но та сказала, что переоденется, и села в машину Ильи.

— Ты выпила, — сказал он.

— Полрюмки.

— Я поведу.

— Поэтому и села.

Он включил печку. Из решётки пахнуло пылью и мокрой собачьей шерстью. Машина медленно поползла между заборами. Керн за двадцать лет усох. Дом культуры заколотили, рыбный магазин стал аптекой, на месте школьного стадиона лежали штабеля контейнеров. Сопки стояли прежние — близкие, тёмные, будто посёлок построили на дне зелёной чаши и забыли сделать выход.

— Что было на плёнке? — спросил Илья.

Вера повернулась к нему.

— Откуда ты знаешь?

— Антон последние дни спрашивал про старые негативы. Ходил к Мерцу.

— Мерц жив?

— После инсульта. Дочь забрала бы, а он упирается.

— Отец показывал тебе снимок?

— Нет.

Он ответил слишком быстро, но Вера не стала давить. Впереди показался дом — низкий, обшитый доской, с тремя окнами на улицу. Отец перекрасил крышу в зелёный. На крыльце провалились две ступени.

Илья заглушил мотор.

— Я зайду первым.

— Зачем?

— Там после вскрытия двери ничего не убрали.

— Ты сказал, смерть естественная.

— Естественная смерть тоже выглядит как смерть.

— Спасибо. Я могла забыть.

Он выдохнул носом, но спорить не стал.

В сенях висела отцовская куртка. На рукаве засохла грязь, в кармане прощупывался складной метр. Вера зачем-то вынула его, раскрыла одно звено и вернула обратно.

В кухне всё осталось как перед коротким выходом. Чашка с чайной плёнкой на дне. Хлеб под полотенцем. Три таблетки в блюде. На календаре крестом отмечено двенадцатое августа — день, когда отец умер. Рядом его почерком: «отлив 04:11».

Таблетки были разными: белая сердечная, синяя от давления, половинка жёлтой без насечки. Вера сняла блюдо сверху и сбоку. Отец всегда раскладывал лекарства на неделю в пластиковую коробку. Коробка стояла у холодильника, отделение за двенадцатое было пустым.

— Фельдшер смотрел таблетки? — спросила она.

— Шевцов сказал, обычная схема.

— А жёлтая?

Илья наклонился, но не взял.

— Не знаю.

— Значит, уже двое не знают, что лежало рядом с умершим, и оба решили, что знать не нужно.

Она нашла чистый стакан, накрыла им блюдо и написала на календаре время. Илья не остановил. Только сфотографировал её действие своим телефоном.

Вера достала телефон и сняла календарь.

— Ты теперь всё будешь фотографировать? — спросил Илья.

— Да.

Она открыла холодильник. На верхней полке стояла кастрюля с гречкой, ниже — две небольшие ампулы, хотя инъекционных препаратов Антону не назначали. Вера не стала брать их в руки. Сняла маркировку через стекло. На одной этикетке значился ветеринарный препарат для соседской собаки, на другой надпись расплылась от конденсата.

— У отца была собака?

— У соседки. Он делал уколы, когда она работала в порту.

Удобное объяснение и потому опасное. Вера записала фамилию соседки на обороте магазинного чека. Позже можно будет спросить, сколько ампул оставляли и когда. Пока это были просто лекарства в чужом холодильнике.

На столе лежал квиток из поликлиники. Антон пропустил кардиолога пятого августа, затем записался повторно на тринадцатое. Между датами карандашом стояло: «Мерц — после отлива». Он планировал прожить как минимум до следующего дня.

— С естественной смертью это не спорит, — сказал Илья, прочитав.

— Я и не спорю. Запоминаю.

Она сняла квиток и поставила на место. Вера уже видела, как следователи превращали желание человека купить хлеб на завтра в доказательство, что тот не мог покончить с собой. Будущее в календаре ничего не обещало. Оно лишь показывало, чего человек ожидал.

В дверь постучала соседка, Галина Петровна. Та самая, что вызвала скорую. Она принесла кастрюлю с поминальной кашей и остановилась на пороге, увидев блюдо под стаканом.

— Я не трогала, — сказала она.

— Что именно?

— Таблетки. Аркадий Львович велел оставить как есть, потом сам поднял с пола.

По словам соседки, свет в лаборатории загорелся около половины пятого. Она не спала из-за дождя и видела красное окно через занавеску. В кухне было темно. Через несколько минут у дома остановилась машина без фар. Какого цвета, не разобрала.

— Шевцов приехал?

— Он уже был внутри, когда я пришла. Дверь в сени открыта. Я позвала Антона, врач вышел и сказал звонить в скорую.

— Вы слышали, как он вошёл?

— Нет. Слышала голоса раньше. Думала, телевизор.

Один голос принадлежал Антону. Второй был тише и доносился рывками, будто из телефона или магнитофона. Галина не могла сказать, разговаривал ли отец с живым человеком. Зато помнила запах в сенях.

— Сладкий такой. Как у зубного. Я ещё подумала, Антон опять курит эти свои гвоздичные.

Антон никогда не курил гвоздичные сигареты. Вера не поправила. Попросила повторить всё Илье при включённой записи и не обсуждать машину с соседями. Галина обещала слишком охотно. Через час описание уже знала тётка Нина.

До лаборатории Вера дошла не сразу.

Илья остался в кухне отвечать на звонок, а она открывала двери одну за другой. Комната отца. Гостиная с продавленным креслом. Маленькая спальня, где раньше стояла её кровать. Антон ничего не переставлял, только заменил детскую мебель взрослой и сложил старые вещи в картонные коробки.

В коробке «Вера. Не выбрасывать» сверху лежала отцовская штормовка — та самая, которую она носила летом две тысячи шестого. Рукава всё ещё были подвернуты и схвачены нитками. В кармане нашлись засохшая ракушка, автобусный билет и кусок красного пластика.

Заколка в форме бабочки. Одно крыло отломано.

Светка носила такие парами. Красные бабочки сидели над ушами и дрожали, когда она смеялась. В ночь у санатория одна пропала. Светка потом сказала, что потеряла её на пляже.

Вера положила заколку на крышку коробки и сняла телефоном. Не как улику — просто руки сами выбрали знакомое действие.

На дне лежал школьный альбом. Страница Веры оставалась пустой. Её портрет вырезали неровным прямоугольником.

— Ты сама вырезала, — сказал Илья от двери.

— Зачем?

— После исчезновения Лиды в школе написали, что ты её убила. Под твоим снимком.

— Кто?

— Не знаю. Когда я увидел, фотография уже лежала в мусорном ведре.

Вера закрыла альбом.

— Почему ты не говорил со мной после отъезда?

— Звонил два раза. Антон сказал, ты не хочешь слышать никого из Керна.

— Он сказал мне, что никто не звонил.

— Возможно, хотел отрезать тебя от посёлка.

— У него получилось.

— Ты и сама хорошо резала.

Вера посмотрела на пустое место в альбоме.

— Фотографы обрезают то, что мешает кадру.

— А потом удивляются, куда делись люди.

Из внутреннего кармана отцовского кителя торчал конверт. В нём оказалась квитанция из ателье Мерца. Заказ приняли двадцать восьмого июля, за две недели до смерти отца. В графе «работа» стояло: «контакт, старый негатив, без резки». Ниже Мерц написал: «НЕ ПРО-ЯВЛЯТЬ ОДНОМУ».

— Отец ходил к Мерцу?

— Последние недели — несколько раз. Спрашивал про плёнки, приливы, санаторий.

— Ты мог спросить.

— Спрашивал. Он ответил, что хочет прибраться перед смертью.

Из коридора тянуло сыростью и слабым металлическим запахом.

Дверь лаборатории находилась в конце коридора. Раньше там была кладовка. Отец обил её чёрным дерматином, а щель под порогом закрыл резиновой полосой. Косяк у замка расщепился. Щепки лежали на полу, некоторые кто-то отодвинул носком.

— Кто входил после тебя?

— Врач. Фельдшер. Двое похоронных.

— Перчатки?

— Вера, мы не оформляли место происшествия.

— Я вижу.

Красная лампа не горела. Илья щёлкнул обычным выключателем.

Комната оказалась меньше, чем помнила Вера. Отец поставил вдоль стен столы, завесил окно, протянул над раковиной леску с деревянными прищепками. На полу у крайней кюветы темнело бурое пятно. Его вытирали, но растворившаяся кровь ушла в щели между досками.

Запах стоял кислый, металлический. Стоп-ванна, старый фиксирующий раствор, сырость. Под ними — сладковатая гвоздика.

Вера нагнулась над кюветой. На белом пластике бурел отпечаток ладони: отец хватался за край, когда падал. Два пальца соскользнули внутрь. На столе лежали ножницы, увеличитель, коробка фотобумаги и часы без ремешка.

— Его часы? — спросила она.

— Были на руке.

— Тогда эти чьи?

Илья подошёл, не касаясь стола.

— Мерца, может. Антон таскал от него всякое барахло.

Циферблат был квадратный, мутный. Стрелки застыли на 4:17.

Вера сняла часы с четырёх сторон. Потом — кювету, пол, дверную ручку, стол целиком. Рабочая привычка успокаивала: выбрать точку, убрать лишнее из края, удержать горизонт. Мир в видоискателе соглашался иметь границы.

— Тело где лежало?

Илья показал.

Вера встала на колени. Доска холодила через колготки. Под столом валялась прищепка. Дальше, почти у стены, белел угол бумаги.

— Фонарик.

Илья включил телефон.

Вера просунула руку. Бумага не поддавалась, словно прилипла. Она достала из сумки перчатки.

— Ты на похороны с ними ходишь?

— Я с ними живу.

Лист вышел с влажным звуком. Это был не отпечаток, а широкая полоска плёнки, ещё не высохшая. Вера подняла её к лампе.

Эмульсия набухла и стала мягкой. По краям остались следы пальцев, но не свежие: жир вьелся до проявки и лёг светлыми овалами. Отец держал плёнку без зажимов. Значит, торопился или боялся, что металлическая прищепка повредит край.

Вера осмотрела конец. Ровного заводского среза не было. Полосу оторвали от длинного рулона руками, потом подправили ножницами. Один угол оставили шире. Там сохранилась часть заводской маркировки края.

— Он проявлял не весь ролик, — сказала она.

— Остальное где?

— Не здесь.

Под столом лежала только одна мокрая дорожка от плёнки к стене. Никакой коробки, бумажного ракорда, обрезков. Кто-то убрал всё, кроме этой полосы, или Антон сам спрятал остальное до того, как упал.

На четырёх кадрах стоял санаторий «Прибой».

Главный корпус она узнала сразу: бетонные балконы, лестница к пляжу, круглый фонарь над входом. На первом кадре — пустая площадка. На втором у разбитого окна темнели две детские фигуры. На третьем одна повернулась к камере.

Вера.

Четырнадцатилетняя, худая, в отцовской штормовке до колен. Рядом Павел Гринь держал что-то у груди. Наверное, украденную камеру.

На четвёртом кадре между ними стояла девочка в светлом платье.

Лица не было. Вместо него плёнку пересекала белая царапина.

— Лида, — сказал Илья.

Вера едва не выронила негатив.

— Ты же его не видел.

Он смотрел на кадр. Не на неё.

— Кто ещё там мог быть?

— Лиды с нами не было.

— Была.

— Она пошла позже. Мы уже вошли в корпус.

Илья провёл ладонью по лицу.

— Дай плёнку.

— Нет.

— Это материал старого дела.

— Дело закрыто.

— Может, уже нет.

Вера поднесла негатив ближе. Фигура казалась слишком высокой для Лиды. Светлое «платье» на самом деле могло быть засвеченной дверью. В области лица шла не царапина — тонкая полоска была частью изображения, отражением на стекле.

За фигурой виднелась ещё одна рука.

Взрослая.

Вера повернула плёнку эмульсией к свету. В нижнем поле последнего кадра блеснула капля. Не вода. Густая, красновато-бурая.

Она поднесла каплю к носу, не касаясь. Фиксаж перебивал почти все запахи, но железо чувствовалось. Кровь попала на эмульсию после проявки: края пятна были резкими, изображение под ним не изменилось.

— Если кровь не отца, её оставил тот, кто забирал остаток, — сказала Вера.

— Или ты только что перенесла её с пола.

— Перчатки чистые. Посмотри.

Илья посмотрел. На прозрачном материале не было бурых следов.

— Положи плёнку на стекло.
— Сначала чистый пакет.
— У меня в машине.
— Значит, принеси.
— Отец порезался? — спросила она.
— На руках крови не было.

В доме что-то щёлкнуло.

Оба замерли.

Звук донёсся из кухни. Негромкий, знакомый — будто сработал механический затвор.

Илья вынул пистолет. Вера автоматически погасила верхний свет, и лабораторию залило красным: старая лампа над дверью вдруг ожила сама.

В красноте лицо Ильи стало плоским, чужим.

— Оставайся здесь.

Он вышел в коридор.

Вера услышала, как он толкнул кухонную дверь. Потом дверь в сени. Его шаги прошли вокруг дома и затихли под окном.

Она осталась одна с негативом.

На леске над раковиной качнулась прищепка. К ней был подвешен свежий отпечаток, которого минуту назад не было.

Вера подошла.

На снимке Павел Гринь стоял на волнорезе спиной к морю. Голова была запрокинута, рот открыт. За его плечом поднималась светлая фигура без лица.

Внизу отец написал карандашом:

«Следующий отлив — 04:17».

Глава 2. Человек на волнорезе

В четыре утра море не шумело. Оно билось о бетон коротко и тяжело, будто за стеной двигали мебель.

Илья поставил машину за закрытой аптекой в бывшем рыбном магазине. Дальше дорога к причалу была перегорожена цепью. На табличке поверх старой синей краски белело: «Проход запрещён. Аварийный участок».

— Останься в машине, — сказал он.

Вера открыла дверь.

— Я двадцать лет выполняла это указание.

Ветер сразу забрался под пальто. Дождь почти кончился, но в воздухе висела мелкая морось. Она оседала на ресницах и делала фонари рыхлыми, окружёнными жёлтым туманом.

Илья достал из багажника фонарь и сигнальный жилет.

— Если там Павел, ты не подходишь к телу.

— Если он жив, я подойду.

— Тогда я сам решу.

Он перехватил её взгляд и добавил:

— Пожалуйста.

Это слово остановило спор. Вера застегнула пальто до горла.

К волнорезу вела бетонная дорожка вдоль порта. Слева за сеткой темнели контейнеры. Справа вода отступила, обнажив чёрные камни, спутанные водоросли и ржавую трубу ливневого стока. От неё тянуло тухлой капустой.

Вера знала эту дорожку босыми ногами. В детстве бетон прогревался к полудню и резал ступни ракушками. Теперь вдоль парапета поставили новые фонари, но половина не горела. Между опорами оставались тёмные промежутки по двадцать шагов. Человек мог идти рядом и появляться только на секунду, когда пересекал свет.

Илья проверял каждый промежуток фонарём. Один раз луч зацепил светлую ткань у сетки. Вера вздрогнула, но это оказался разорванный мешок, набитый мокрой изоляцией. Такие мешки лежали у ремонтной площадки целой грудой. Белая крошка липла к сетке и летела по дороге.

— Здесь работы идут? — спросила она.

— Меняют ливневый коллектор. Днём.

— Кто имеет доступ ночью?

— Порт, подрядчик, спасатели.

Павел входил во все три группы: служебный пропуск спасательной станции открывал ворота порта, а подрядчикам он проверял воду перед сбросами. Если его вызвали сюда, он пришёл без подозрений.

У будки охраны горел монитор. Человек внутри спал, положив голову на сложенную куртку. Илья постучал в стекло. Охранник поднялся не сразу, увидел форму и открыл окошко.

— Кто проходил после полуночи?

— Никто.

— Журнал.

В журнале стояла запись Павла: 01:52, «проверка волнореза». Подпись была похожа на его, но время вписали другой ручкой. У выхода строки не было.

— Вы видели его?

Охранник потёр лицо.

— Пропуск пикнул. Камера показала куртку спасателей. Я шлагбаум поднял.

— Лицо?

— Капюшон. Дождь.

К журналу был привязан карандаш. Запись сделали синей шариковой ручкой. Та лежала у края стола, колпачок погрызли. Илья попросил охранника не трогать её и вызвал сотрудника к будке. Вера смотрела через стекло на монитор: камера у ворот снимала сверху. Высокий человек в Павловой куртке и низкий выглядели бы одинаково, если оба наклонят голову.

— Архив есть? — спросила она.

— Неделя.

— Тогда не выключайте питание.

Охранник обиделся:

— Я двадцать лет тут.

— Поэтому знаете, как легко случайно выключить не тот автомат.

Илья забрал журнал только после того, как сотрудник снял страницы и пломбы на корпусе регистратора. До волнореза они дошли на три минуты позже. Павел всё это время стоял в темноте.

Павел был на дальнем конце волнореза.

Сначала Вера увидела только светлое пятно куртки. Мужчина стоял у самой кромки, спиной к морю, нелепо прямой. Фонарь Ильи скользнул выше. Голова Павла была запрокинута. Подбородок торчал в небо.

Точно как на отпечатке.

— Павел! — крикнул Илья.

Фигура не шевельнулась.

Илья пошёл быстрее. Вера за ним. Бетон блестел, в выбоинах шевелилась вода. Когда до Павла осталось метров двадцать, волна ударила снаружи и рассыпалась за его спиной белым веером. Он не качнулся.

— Стой, — сказал Илья.

Вера остановилась.

Теперь она видела, что удерживало тело. Из-под мышек Павла выходила тонкая верёвка. Концы были заведены назад и привязаны к железной скобе в парашюте. Колени подогнулись, пятки не касались бетона. Со стороны казалось, будто он сам стоит, выгнувшись навстречу ветру.

Илья коснулся шеи. Потом взял Павла за плечо, стараясь не менять положение головы.

— Холодный.

Вера посмотрела на часы в телефоне. 04:09.

Телефон спешил. На диспетчерском табло у порта красными цифрами горело 04:08. Вера сняла оба экрана одним кадром и попросила Илью свериться по рации. Точное время: четыре восемь тридцать семь. Тридцать три секунды разницы могли стать ложным маршрутом, если позже кто-то начнёт считать шаги от ворот.

Она исправила подпись к первому кадру. На календаре Антона рядом со словом «отлив» стояло 04:11, на отпечатке — 04:17. Пока это были три разных времени, а не одно предсказание.

— Отпечаток был готов до трёх.

— Я помню.

— На нём он уже так стоял.

— Вера.

— Кто-то снял это раньше. Или поставил его сюда раньше.

Илья осветил верёвку. Обычный белый капрон, мокрый и чистый. Узел находился под правой рукой Павла, почти спрятанный рукавом.

— Не подходи.

Она уже достала телефон.

Первый кадр взяла издали: тело, скоба, край волнореза, линия прибоя. Второй — ниже, чтобы в кадр попали ноги. На правом ботинке грязь лежала двумя ровными полосами, одна над другой. Между ними кожа была почти чистой.

— Ты сейчас уничтожаешь место, — сказал Илья.

— Я стою в двух метрах от тебя.

— Ты вообще не должна здесь быть.

— А человек, который повесил отпечаток в доме, должен?

Он отвернулся и вызвал дежурную группу.

Вера надела перчатки. Не приближаясь, опустила на корточки. На бетоне вокруг Павла было слишком мало следов. Мелкая морось смягчила края отпечатков, но не смыла их. Широкие подошвы Ильи. Её каблуки. Рифлёные следы ботинок Павла шли от берега и обрывались в трёх шагах от тела.

Последние три следа были глубже предыдущих. Носки развернуты наружу, будто Павел нёс вес перед собой или его тянули сзади. В правом отпечатке собралась вода, в левом лежала сухая песчинка. Они появились не одновременно: один успел принять морось, второй был прикрыт чем-то до их прихода.

Вера провела лучом от ботинок к телу. На бетоне виднелись две параллельные полосы, едва темнее поверхности. Шириной с полозья узкой тележки. Они начинались у внешней лестницы и исчезали там, где Павла подняли.

— Его привезли снизу, — сказала она.

Илья наклонился, не переступая следы.

— Или рыбаки катили ящики вчера.

— Тогда полосы пересекли бы его следы. Они сверху.

Он сфотографировал место своим телефоном и вызвал ещё одного сотрудника, чтобы перекрыть лестницу со стороны воды.

Чужих следов не было.

— Илья.

Он говорил по телефону и поднял ладонь.

Вера перевела фонарь на парапет. С внешней стороны бетон был мокрым до самого верха. На внутренней оставалась тонкая сухая полоса. Верёвка пересекала её и тянулась к скобе.

Человек мог пройти по воде, если знал отлив. Мог подняться по лестнице с морской стороны. Следов на бетоне тогда не осталось бы.

Она наклонилась ниже. От верёвки пахло морем, машинным маслом и чем-то сладким. Гвоздикой.

Запах был слабый, почти домашний. Так пахло из открытого пузырька у зубного врача, когда Вере было девять.

— Не трогай, — сказал Илья за спиной.

— Я не трогаю.

Он закончил разговор.

— Группа будет минут через сорок. Районный эксперт едет из Заречья.

— Егор?

Илья посмотрел на неё.

— Ты следишь за районной судмедэкспертизой?

— Я работаю во Владивостоке. Мы пересекались.

Она не добавила, насколько близко.

Вдали, за туманом, хлопнула дверь автомобиля. Илья направил фонарь к берегу. На дорожке никого не было.

— Уведи меня отсюда, если хочешь сохранить место, — сказала Вера. — Только сначала посмотри ему под волосы.

— Зачем?

— Не знаю. На снимке голова запрокинута не ради красоты.

Илья помедлил. Потом осторожно поддержал Павла за затылок и отвёл мокрые волосы. Под правым ухом темнела точка. Не порез и не ссадина — круглый прокол с тонким красным ободком.

— Инъекция, — сказала Вера.

— Вижу.

Он отпустил волосы. Тело качнулось на верёвке. Из открытого рта Павла вытекла вода, прозрачная и вязкая от слюны.

Вера отступила.

— Его утопили?

— Не начинай вскрытие на волнорезе.

— В лёгких вода. Иначе она не стояла бы во рту после смерти.

— Ты фотограф, не эксперт.

— Поэтому я спрашиваю.

Илья потёр большим пальцем подбородок. В школе он делал так перед дракой, будто проверял, на месте ли челюсть.

— На фотографии Павел был в этой куртке?

— Да.

— Отпечаток у тебя?

Вера не ответила.

— Господи. Куда ты его положила?

— В пластиковый файл. Файл в сумке. Сумка в машине.

— Ты забрала возможную улику из дома, где мог быть посторонний.

— Я сохранила её от постороннего.

Илья выругался тихо, без злости. Скорее устало.

В 04:17 внутри волнореза что-то загудело.

Звук пришёл снизу. Бетон дрогнул под ногами. Из ржавой трубы у берега вырвалась мутная вода. Она прокатилась по обнажившимся камням и прорезала грязь серой бороздой.

Одновременно верёвка на груди Павла ослабла.

Тело рухнуло.

Илья успел подхватить его за плечи. Голова ударилась о его предплечье, ноги скользнули к краю. Вера ухватила Илью сзади за жилет. Волна поднялась за парашютом, перелетела через него и накрыла всех троих.

Ледяная вода ударила Веру в лицо. Она зажмурилась, но не отпустила жилет. Под каблуком ушёл камень. Колено встретилось с бетоном.

Когда вода стекла, Павел лежал на боку. Верёвка тянулась от его груди к скобе. Перерезанный конец бился на ветру.

— Назад! — крикнул Илья.

Они оттащили тело к середине волнореза. Вера села прямо в воду. Ладони дрожали. Она не чувствовала правого колена.

Илья нагнулся над Павлом, хотя проверять уже было нечего.

— Верёвка была надрезана, — сказала Вера.

— Да.

— Сброс воды должен был уронить его в море.

— Да.

— Значит, нас ждали ровно в четыре семнадцать.

Илья поднял голову.

На берегу, у цепи, стоял человек.

Светлая одежда, руки опущены. Туман скрывал лицо.

Илья вскочил.

— Полиция! Стой!

Человек повернулся и исчез за рыбным магазином.

Илья побежал. Вера осталась с телом.

Она слышала его шаги, потом удар железа и далёкий окрик. Через минуту всё стихло. Только вода продолжала выливаться из трубы.

Павел лежал лицом к ней. После падения рот закрылся, и от этого он стал похож на себя в школе сильнее, чем когда стоял у парапета. Вера вспомнила, как он однажды вытащил её из прибоя за волосы, потом весь вечер извинялся не за боль, а за то, что видел её испуганной.

— Ты мог уйти, — сказала она мёртвому.

Вода из трубы заглушила голос.

На левой щеке Павла осталась полоска чистой кожи. Всё лицо было мокрым, в солёных брызгах, а под скулой кожа сухая. Там прижималась широкая лента или край маски. Вера сняла участок с масштабом, положив рядом линейку из своего набора.

За ухом, ниже прокола, виднелось ещё одно красное пятно. Не укол: след давления от пальца. Кто-то удерживал голову, пока вводил препарат. Правой рукой, если стоял сзади.

Она не касалась Павла. Обошла по дуге, фиксируя каждый угол. На внутренней стороне левого ботинка обнаружилась зелёная водоросль, свежая и влажная. На волнорезе таких не было; они росли ниже, у устья коллектора.

Вера заставила себя встать. Колготки на колене порвались, кожа под ними была содрана. Она включила камеру телефона и обошла Павла по дуге.

После падения поза разрушилась, но детали остались. Капроновая верёвка. Прокол за ухом. Две полосы грязи на ботинке. Левый рукав пропитан водой до локтя, правый почти сухой. На запястье часы, дешёвые электронные, остановились в 02:38.

Под ногтями правой руки темнели волокна кожи.

Павел дрался.

На груди куртки Вера заметила серое пятно. Наклонилась. Это был не песок и не бетонная пыль. Тонкая крошка, лёгкая, как высохшая пена.

Она сняла крупный план.

Экран на миг потемнел, подстраивая выдержку. В чёрном стекле отразились море и светлая фигура за плечом Веры.

Она резко обернулась.

Никого.

Телефон пискнул. Снимок сохранился.

Вера открыла его. За телом Павла, у парапета, стояла девочка. Мокрые волосы закрывали лицо. Подол светлого платья не шевелился на ветру.

Следующий кадр был пуст.

Илья вернулся через пять минут. На ладони у него была кровь.

— Ушёл через дворы. Там машина ждала.

Вера показала экран.

Он долго смотрел, потом провёл пальцем по фотографии, увеличивая изображение.

— Это блик.

— Блик не отбрасывает тень.

— Здесь три фонаря.

— И тень у неё одна.

Илья вернул телефон.

— Никому не показывай, пока не получим оригинал.

— Оригинал перед тобой.

— Цифровой файл можно изменить.

— За те пять минут, пока ты бегал?

— Я не это сказал.

— Ты это подумал.

На подъезде к причалу вспыхнули синие маяки. Туман начал редеть, открывая чёрную линию берега.

Илья стянул жилет. На спине ткань была рассечена узкой полосой.

— Он ударил тебя?

— Зацепился за сетку.

Вера посмотрела на его окровавленную ладонь. Порез шёл поперёк, чистый и глубокий. Сетка оставила бы рваные края.

— Как выглядел тот человек?

— Высокий. Светлая куртка. Капюшон.

— Мужчина?

Илья посмотрел на море.

— Не знаю.

* * *

Пока ждали группу, туман закрыл берег.

Диспетчер порта позвонил Илье сам. По таблице ливневый сброс должен был начаться в 04:11 и закончиться до их прихода к телу. Автоматика не сработала: датчик уровня показывал пустой резервуар. Поток в 04:17 запустили вручную с технического терминала.

— Какого терминала? — спросил Илья.

— В журнале «П-4». У нас такого пункта нет с девяностых. Старый адрес остался в контроллере после объединения систем.

Сигнал пришёл по медной линии со стороны санатория, но кабель проходил через порт и имел десятки ответвлений. Диспетчер мог назвать маршрут провода, не руку на кнопке.

Илья попросил сохранить весь журнал, не распечатывать отдельную строку и отключить удалённый доступ. Диспетчер ответил, что уже отправил снимок экрана начальнику. Копия ушла за пределы группы раньше, чем место оградили.

Вера записала: 04:17 может быть временем ручной команды или номером старого терминала. Вторую возможность пока никто не проверял. Она сама всё ещё смотрела на остановившиеся часы Павла и хотела, чтобы цифры были простой подписью убийцы.

Илья натянул сигнальную ленту между скобами и записал положение тела после падения. Вера продиктовала номера кадров. Он фиксировал всё, включая её перемещения, и события обретали порядок, который можно проверить.

Дежурный принёс из машины термоодеяло. Вера завернулась, но дрожь не прошла. Колено распухало. Илья промыл ладонь водой из бутылки; три раза морщился, пока отдирав ткань жилета от пореза.

— Покажи нож, — сказала Вера.

— Не видел.

— Ты сказал, он ударил.

— Почувствовал удар. Потом кровь.

— Значит, это могла быть кромка металла.

— Могла.

Он впервые допустил это вслух. Вера посмотрела на рассечённую ткань: разрез шёл снизу вверх. Сетка оставила бы зацепы, нож — более ровную щель. Но мокрая ткань расползлась, и выбирать версию по виду было рано.

— Когда ты видел Павла в последний раз?

— Вчера после похорон. Он не подошёл к тебе.

— Я видела.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Смотреть и знать — разное.

Илья сел на корточки у ленты. Ладонь продолжала кровить.

— Павел хотел поговорить с Антоном. Опоздал на два дня. Спросил, что осталось от дела Лиды и кто забрал вещи Антона.

— Ты ответил?

— Что дом опечатан до твоего приезда.

— Но дверь лаборатории вскрывали.

— После смерти. Врач, фельдшер, похоронные. Я проверял дом последним.

— И не увидел негатив.

— Не увидел.

Вера посмотрела на Павла. В четырнадцать лет тот не умел молчать. Любую тайну превращал в обмен: сигарету на спичку, фотографию на обещание, страх на чужой страх.

— У него семья?

— Был женат. Дочь живёт с матерью в Находке. Они не общались почти год.

У тела зазвонил телефон. Старая мелодия повторилась трижды. Илья не прикоснулся, только наклонился к экрану под мокрой тканью.

— «Дочь», — прочитал он.

Звонок оборвался.

— Позвони ей до того, как посёлок позвонит первым.

— После установления личности по процедуре.

— Ты знаешь, кто это.

— Знаю. Но если сейчас ошибусь в одном слове, она запомнит его на всю жизнь.

Со стороны порта донёсся мотор. Фары разрезали туман.

Егор Савельев приехал вместе с рассветом.

Он вышел из серого фургона без зонта, в расстёгнутой куртке поверх синего медицинского костюма. Волосы стали короче, в бороде появилась седина. В остальном время обошлось с ним несправедливо бережно.

Он увидел Веру и остановился.

Последний раз они встречались в коридоре краевой больницы. Вера снимала последствия ошибки хирурга, Егор защищал заключение коллеги. Спор закончился в гостинице, где они сначала кричали, потом молчали до рассвета. Утром он сказал, что не может жить с человеком, который превращает любую боль в доказательство. Она ответила, что не может жить с человеком, который прячет доказательства ради чужого покоя.

Теперь между ними лежал Павел, и старый спор получил тело.

— Тебя вызвали?

— Нет.

— Тогда почему ты мокрая рядом с трупом?

— Верёвку перерезало сбросом.

Илья показал упакованный конец. Егор присел у границы отмеченной зоны.

— Надрез сделан заранее. Осталось меньше трети волокон.

— Сколько выдержала бы?

— Без воды — часами. При рывке — секунды.

Он попросил осветить спину Павла. Под курткой обнаружилась широкая полоса давления. Тело перевозили на жёсткой поверхности, привязанным поперёк груди.

— Не легковая машина, — сказал Егор. — Нужен фургон или тележка.

Илья записал. Вера сняла полосу, край одежды и складки ткани.

— На отпечатке этого не видно.

— Отпечаток показывает позу. Не путь до неё.

— Поэтому путь надо восстановить.

Егор посмотрел на неё поверх тела.

— Ты всё ещё думаешь, что если снимешь достаточно, событие перестанет быть твоим.

— А ты всё ещё разговариваешь во время осмотра.

Их голоса вернулись в прежний ритм раньше, чем кто-либо был готов.

— Доброе утро.

Егор перевёл взгляд на Илью.

— Она трогала тело?

— Помогла не унести его в море.

— Это не ответ.

— Не трогала, — сказала Вера. — До падения.

Егор закрыл глаза на секунду.

— Конечно.

Он натянул перчатки и подошёл к Павлу. Работал молча. Осмотрел рот, веки, прокол за ухом. Понюхал ворот куртки и нахмурился.

— Что? — спросил Илья.

— Фотохимия. Или гвоздичное масло. На месте не скажу.

Вера встретила с Ильёй глазами.

Егор заметил две линии грязи на обуви, взял соскобы в разные пробирки. Потом отрезал участок верёвки и упаковал отдельно.

— Предварительно смерть наступила между часом и тремя, — сказал он. — Отёк лёгких есть. Причина после вскрытия. Прокол свежий.

— Его могли сначала усыпить, потом утопить? — спросила Вера.

— Его могли сначала накормить пирогом. Я не гадаю на берегу.

— Ты всегда гадал увереннее.

Егор выпрямился.

— А ты всегда приезжала после того, как место оградят.

Илья встал между ними не телом, а голосом:

— На правой руке материал под ногтями.

Егор присел снова.

— Вижу.

Он осторожно раскрыл пальцы Павла. Под ногтем указательного пальца застрял тонкий прозрачный лоскут.

— Похоже на кожу? — спросил Илья.

— Похоже на латекс или нитрил.

— Перчатка?

— В лаборатории скажут.

Егор снял лоскут пинцетом. На его краю виднелась синяя печать — две цифры или половина буквы.

Он положил материал на чёрную подложку. Под увеличительным стеклом синяя метка оказалась частью окружности и короткой прямой чертой.

— Может быть логотип, — сказал Егор. — Или след маркера.

— На перчатке есть кровь? — спросил Илья.

— Увидят в лаборатории. Сейчас блеск похож на биологический материал, но я не буду называть его кровью ради удобства.

Вера сняла, как прозрачный лоскут лежит между делениями линейки. На снимке он почти исчезал. Улика, на которой хотелось построить лицо нападавшего, пока была клочком длиной меньше ногтя.

Вера приблизилась на шаг.

— На медицинских перчатках печатают размер на коробке, не на самих перчатках.

Егор взглянул на неё.

— А на хозяйственных бывает рисунок. Отойди.

Она отошла.

Когда тело подняли на носилки, из кармана Павла выпал металлический предмет. Он звякнул о бетон и откатился к ноге Веры.

Это был ключ. Длинный, старый, с овальной головкой. К нему проволокой была прикручена алюминиевая бирка.

На бирке выбито: «П-4».

Илья наклонился, но Егор остановил его рукой.

— Сначала снимок.

Вера уже подняла камеру.

— Не ты, — сказал Егор.

Штатный криминалист сделал три кадра, положил ключ в пакет и подписал время.

— Что такое «П-4»? — спросил Илья.

Ответила Вера:

— Четвёртая дверь в «Прибое».

Оба посмотрели на неё.

— Мы так её называли, — сказала она. — В старом крыле было три двери в коридоре. Четвёртая была нарисована на стене мелом.

— И что за ней? — спросил Егор.

— Ничего.

Вера вспомнила мокрую ладонь на штукатурке. Скрежет, который шёл из стены. Павла, прижавшего палец к губам.

— Тогда — ничего.

Глава 3. Красный свет

К восьми утра дом отца стал местом происшествия.

Жёлтая лента прошла от калитки к крыльцу. Молодой криминалист в бахилах снимал дверные ручки. Второй ползал по кухне с фонарём, собирая грязь из щелей. В лаборатории щёлкала камера. Каждый звук заставлял Веру оборачиваться.

Свежий отпечаток лежал в пакете для улик. Негатив — в другом. Илья оформил изъятие при ней и заставил расписаться на двух листах.

Пакеты поставили на разные края стола. На одном время изъятия было 07:12, на другом 07:14. Между ними уместились двадцать лет, одно тело на волнорезе и чужая рука, которая успела пройти через дом, не оставив грязи.

Вера попросила отдельный пакет для перчаток, в которых поднимала негатив. Криминалист удивился, но выдал. Потом она сдала пальто и туфли. На колене осталась засохшая соль, на рукаве — волокно страховочного жилета Ильи. Всё, что они принесли с волнореза, могло оказаться здесь раньше нападавшего и испортить сравнение.

— До твоего приезда дом не охраняли, — сказала она Илье. — Список всех, кто входил, есть?

— Собираем.

— «Похоронные» не список.

— Двое из службы, фельдшер, Шевцов, Денис, я. Соседка была на кухне, когда вызвала скорую. Потом ушла.

— Кто закрыл дом?

— Я.

— Кто проверил чердак?

Он не ответил. Вера посмотрела на покрашенный люк в коридоре. Если его открывали через крышу, краска не треснула бы. Если камера стояла там давно, вопрос становился другим: кто знал, куда тянуть леску.

— Теперь доволен? — спросила Вера.

— Нет.

— Уже лучше.

Он сидел за кухонным столом, прижимая к ладони салфетку. Врач скорой наложил три шва, но кровь снова проступила.

— Тебе надо в отделение.

— Мне надо понять, как человек вошёл в дом.

— Через дверь.

— Наружные камеры соседей никого не сняли. Замок цел. Окна закрыты изнутри.

— Ты был снаружи семь минут.

— Шесть.

— Хватило бы.

— Кому?

Вера посмотрела в коридор. Красную лампу сняли со стены. На её месте остался светлый круг и два отверстия от шурупов.

— Тому, кто знал дом.

— Кроме тебя и Антона?

— Ты здесь бывал.

— Двадцать лет назад.

— Раскладка половиц не изменилась.

Илья убрал салфетку. По краю бинта выступила кровь.

— Ты подозреваешь меня?

— Я замечаю, когда человек врёт о порезе.

— Он ударил ножом через сетку. Я не хотел записывать в ориентировку, что упустил подозреваемого на расстоянии вытянутой руки.

— Какой нож?

— Узкий. Складной, наверное.

— Ты схватил его?

— Куртку. Ткань разошлась. Он вывернулся.

— Запах?

Илья усмехнулся без веселья.

— Море. Дождь. Моя кровь.

— Гвоздика?

Он покачал головой.

В дверях появился криминалист.

— Илья Сергеевич, следов обуви нет. На кухне окно снаружи поддевали, но давно. Пыль в пазу целая.

— Чердак?

— Люк закрашен. Подпол откроем сейчас.

Вера вспомнила шелчок. Он донёсся из кухни, но звук в старом доме ходил по трубам и пустотам. Отец переделывал водопровод сам. Вдоль стены лаборатории шёл вентиляционный короб, зашитый фанерой.

— Подождите, — сказала она. — За раковиной есть вытяжка.

Криминалист посмотрел на Илью.

— Проверим.

— Она выходит на чердак, — сказала Вера. — Не на улицу.

— Тем более.

Илья встал.

— Ты остаёшься здесь.

— Я хозяин помещения.

— Ты свидетель и дочь хозяина. Это две причины не лезть под ноги.

Вера взяла сигареты со стола.

Пачка была отцовская, запечатанная. Антон бросил семь лет назад и держал её в шкафу «для гостей», хотя гостей в доме почти не бывало. Вера сорвала плёнку, вышла на крыльцо и закурила.

Первый вдох обжёг горло. Второй вызвал кашель. Молодой полицейский у калитки отвёл глаза, делая вид, что не заметил.

— Антон Сергеевич ругался за курение, — сказал он.

— Поэтому держал пачку?

— Иногда доставал одну, крутил в пальцах и убирал. Говорил, если зажжёт, придётся признать, что снова начал.

Полицейского звали Денис. В ночь смерти Антона он дежурил у администрации и приехал на вызов вторым.

— Дверь лаборатории была закрыта?

— Илья Сергеевич уже выбил. Врач стоял внутри.

— Какой врач?

Денис замялся.

— Аркадий Львович.

— Шевцов нашёл тело?

— Он вызвал скорую. Сказал, привёз документы и увидел свет.

— Илья говорил, соседка увидела свет утром.

— Соседка тоже звонила. Позже.

Вера затушила сигарету.

— Во сколько приехал Шевцов?

— Около пяти. В журнале есть.

— Он трогал что-нибудь?

— Проверял пульс. Выключил воду. Потом нашёл таблетки на полу.

— Их изъяли?

— Смерть естественная. Зачем?

Денис понял ответ по её лицу.

— Запиши рапорт сейчас, — сказала Вера. — Точное время и кто был в комнате.

— Меня уволят.

— Если запись пропадёт, будет хуже.

Он посмотрел на дом. Потом достал блокнот и начал писать, прикрывая страницы ладонью.

— Пиши не вывод, — сказала Вера. — Что увидел первым. Где стоял. Что было в руках.

Денис кивнул и зачеркнул первую строку.

— Аркадий Львович был без куртки. Рукава закатаны. На правой перчатке бурое.

— Медицинская перчатка?

— Да. Голубая. Он снял её в раковине.

— Куда положил?

Денис замер с ручкой над бумагой.

— Не помню. Наверное, выбросил.

— «Наверное» не пиши. Напиши, что не проследил.

Он снова кивнул. Вера не спросила про часы. Если подсказать деталь, позже любой ответ будет заражён её вопросом.

За соседским забором скрипнула дверь. Показалась женщина в вязаной шапке, посмотрела на ленту и исчезла. Через минуту в посёлке уже знали, что в доме Ланского убийство.

Телефон Веры завибрировал.

Номер был местный, незаписанный.

— Да.

Сначала в трубке шёл ровный треск. Потом женщина сказала:

— Ты опять оставила его одного.

Голос был тихий, сдавленный, будто говорили через ткань.

— Кого?

— Павку.

— Кто это?

— На этот раз он дождался воды.

Связь оборвалась.

Вера перезвонила. Телефон сообщил, что номер не обслуживается.

Она сохранила снимок экрана, включила запись заметки и повторила услышанное дословно. На третьем повторе заметила короткий металлический щелчок перед словом «Павку». Не помеха связи: одинаковый по громкости с голосом, будто в помещении закрыли дверцу.

В фоне не было моря. Ни ветра, ни чаек. Только ровное гудение и один далёкий сигнал. Вера включила запись Денису.

— Похоже на морозильник, — сказал он.

— Или вентиляцию.

— У нас полпосёлка так гудит.

Это было полезнее красивой догадки. Звук не указывал на место. Пока он только доказывал, что звонили из помещения.

Она затушила сигарету о мокрую ступень и сразу разозлилась на себя. Окурочек подняла салфеткой, завернула и сунула в карман.

Илья вышел из дома.

— Что случилось?

— Ничего.

Он посмотрел на пачку в её руке.

— Ты же бросила.

— А ты не порезался о сетку.

— Отличный у нас теперь способ здороваться.

Вера показала журнал вызовов.

— Женщина. Сказала, что я опять оставила Павла одного. Номер уже отключён.

Илья взял телефон, переписал цифры.

— Дословно.

Она повторила.

— Голос узнала?

— Нет.

— Возраст?

— От тридцати до шестидесяти. Говорила через что-то.

— Почему сначала сказала «ничего»?

— Потому что ты спрашивал как друг.

— А отвечаешь ты как кто?

— Как человек, которого ты подозреваешь.

Он вернул телефон.

— После звонка никому не перезванивай. Я запрошу соединение.

— Уже перезвонила.

Илья прикрыл глаза.

— Конечно.

Он позвонил дежурному и продиктовал номер. Пока ждали ответ оператора, Денис принёс черновик рапорта. На первой странице время приезда Шевцова стояло 04:56. Соседка вызвала скорую в 05:08. Получалось, врач вошёл в дом раньше женщины, которой Илья приписал обнаружение света.

— Почему Шевцов приехал? — спросила Вера.

— Говорил, Антон Сергеевич оставил у него папку, — ответил Денис. — Хотел вернуть перед работой.

— Папку нашли?

— На кухонном стуле была синяя.

— Что внутри?

— Не смотрел.

Криминалист из дома услышал их и сообщил, что синяя папка пуста. На картоне остался светлый прямоугольник от наклейки и влажный след круглого дна. Папку упаковали отдельно.

— В журнале вызовов Шевцова есть звонок Антону? — спросила Вера.

— Телефон изъяли, — сказал Илья. — Проверят.

— Его телефон или отца?

— Отца. На личный телефон Шевцова оснований пока нет.

Основания не появлялись сами. Кто-то должен был записать, что человек прибыл до вызова, вошёл без свидетелей и назвал причину, которую нельзя подтвердить пустой папкой.

Ответ оператора пришёл через десять минут. Номер, с которого звонили Вере, принадлежал не человеку, а виртуальной линии, оплаченной наличными через терминал на автостанции. Подключили её вчера в 22:14, использовали один раз и отключили сразу после разговора.

— Камера у терминала? — спросила Вера.

— Смотрит на кассу, не на экран, — сказал Илья. — И ты туда не поедешь.

— Не собиралась.

Он посмотрел так, будто собирался записать это отдельным протоколом.

Из дома позвали. Вера пошла следом, и на этот раз он не остановил.

Фанеру за раковиной сняли. За ней открылся узкий кирпичный канал. В пыли лежал обрывок чёрной нити и дохлая мышь, высохшая до плоской шкурки. Канал уходил вверх, но человек не пролез бы даже плечами.

— Отсюда можно спустить что-нибудь на леске, — сказала Вера.

Криминалист посветил внутрь.

— Можно. Только сначала надо попасть на чердак.

Люк в коридоре вскрыли вместе со слоями краски. На чердаке пахло стекловатой и мышиным помётом. Пыль лежала ровно. Следов коленей, ладоней, обуви не было.

Зато прямо над вентиляционным каналом стояла отцовская камера.

Перед тем как подняться, криминалист сменил бахилы и перчатки. Первую пару запечатал у Веры на глазах. На лестнице уже были следы его подошв, а по краю люка — волокна рукавов двух сотрудников, которые вскрывали краску. Чистого прохода на чердак больше не существовало.

— Запишите порядок, — сказала Вера.

— Пишем.

— Кто первым коснулся рамы?

Криминалист назвал фамилию. Второй сотрудник поправил: сначала раму держал Денис. Денис отрицал, потом вспомнил, что снимал кусок краски с петли. В журнал внесли всех троих и время. Ошибка заняла четыре минуты, но именно из таких четырёх минут защита потом собирала целую чужую версию.

Старая «Москва-5», гармошкой, на складном штативе. Спусковой тросик уходил к отверстию в доске. Второй конец был привязан к леске, протянутой через чердак к слуховому окну.

Штатив стоял не над самой вытяжкой, а на полметра в стороне. К объективу прикрутили небольшое зеркало под углом. Через него камера видела стол лаборатории и участок за спиной человека, стоящего у кюветы. Пыль на зеркале протёрли прямоугольником, остальная поверхность оставалась серой.

— Система старая, — сказала Вера. — Её мог собрать отец.

— Зачем снимать собственную лабораторию?

— Проверять, кто входит. Или ловить того, кто уже приходил.

Криминалист показал на прозрачную леску.

— Узел свежий. А тросик старый. Здесь две установки, одна поверх другой.

Отец поставил камеру. Кто-то другой заставил её сработать сегодня. Вера почувствовала короткое раздражение на Антона: даже ловушку он оставил без объяснения, будто рассчитывал после смерти стоять рядом и подсказывать.

Илья присел у камеры.

— Не трогать.

Криминалист снимал каждую деталь.

Вера смотрела на пыль. Ножки штатива утонули в ней на одинаковую глубину. Камера стояла здесь давно. Леска была новой, прозрачной, без пыли.

— Щелчок в кухне был отсюда, — сказал Илья.

— Эта камера не печатает фотографии.

— Зато могла напугать и выманить нас из лаборатории.

— Кто натянул леску?

Криминалист проследил её до окна. Рама была закрыта, но в нижнем углу стекла не хватало треугольника. Через отверстие леска уходила наружу.

Илья высунулся.

— Там водосточная труба. Конец можно дёрнуть с земли.

— Камеры соседей?

— С этой стороны дома кусты. И участок выходит к оврагу.

Вера посмотрела на «Москву». Такой камерой снимал Мерц. Отец предпочитал узкий формат и презирал складные аппараты за мягкие углы кадра.

— Это не его камера.

— Ты уверена?

— На его технике были метки. Он царапал букву «Л» внутри задней крышки.

Илья велел криминалисту снять аппарат со штатива. Тот открыл замок крышки пинцетом.

На чёрной эмали изнутри белела свежая царапина.

«Л».

Вера наклонилась ближе. Буква была слишком аккуратной. Отец царапал одним движением, и нижняя черта всегда уходила вверх: рука дрожала после старой травмы.

Эту метку сделали, глядя на другую.

— Подделка, — сказала она.

— Или ты плохо помнишь.

— Я училась проявлять раньше, чем делить столбиком.

В камере оказалась плёнка. Криминалист снял роликовый задник и убрал его в светонепроницаемый пакет.

— Проявлять будем в районе, — сказал Илья.

— Там машина царапает средний кадр.

— Откуда ты знаешь?

— Я с ней работала весной. У вас ролик повреждён.

— Вера, ты не будешь проявлять улику у себя дома.

— Тогда везите во Владивосток.

Криминалист кашлянул.

— Ролик правда царапает. Заявку на ремонт подали.

Илья посмотрел сначала на него, потом на Веру.

— Оформляем осмотр, видеозапись без остановки, двое понятых. Она ничего не касается без команды.

— Я умею работать в перчатках.

— Сегодня ты уже показала.

* * *

До полудня Веру опрашивали трижды.

Между опросами она сидела в бывшем кабинете труда, куда временно перенесли стол следственной группы. На стене висели выпцветшие плакаты о безопасной работе с рубанком. Телефон отдали только для копирования журнала вызовов и фотографий. Сотрудник выгружал файлы при ней, сверял контрольные суммы и каждый раз спрашивал, обрабатывала ли она снимки.

— Автоматическая коррекция включена, — сказала Вера. — Оригиналы хранятся отдельно. Метаданные покажут.

— Фигура тоже автоматическая?

— Если узнаете, какая функция добавляет мёртвых девочек, запишите название.

Он перестал задавать вопросы, но на экран смотрел дольше, чем требовало копирование.

Сначала молодой следователь попросил рассказать, как она нашла негатив. Потом потребовал повторить, не пользуясь первым протоколом. В третий раз поставил перед ней схему дома и попросил отметить, где находился каждый человек в момент щелчка.

Вера отметила себя в лаборатории, Илью в коридоре. Чужую фигуру поставить было некуда.

— Вы уверены, что отпечатка не висело раньше?

— Уверена.

— Осматривали леску сразу после входа?

— Нет.

— Тогда на чём основана уверенность?

— Прищепка качалась. Мокрая бумага отражала красный свет. Я бы увидела.

— Вы употребляли алкоголь.

— Полрюмки.

— Раньше случались провалы памяти?

— В четырнадцать лет после исчезновения Лиды мне ввели успокоительное. Несколько часов я помню кусками.

Следователь записал это особенно тщательно.

— Кто вводил?

— Не знаю.

— Диагноз?

— Спросите у санатория.

— Санаторий закрыт.

— Владелец жив.

Илья повернулся от окна.

— Закончили на сегодня.

— Решать не вам, — сказал следователь. — Она пока свидетель.

Вера остановила Илью взглядом.

— Продолжайте.

Следователь спросил о Павле. Она отвечала точно: двадцать лет не виделись, на похоронах не разговаривали, распорядка не знала.

— Но сразу узнали место на фотографии.

— Волнорез в посёлке один.

— И время отлива совпало.

— Его написал отец.

— Умерший человек подготовил отпечаток с ещё живым мужчиной?

— Я не утверждала, что подготовил отец. Я сказала, почерк похож.

Следователь закрыл блокнот.

— Вот теперь формулировка точная.

Когда он ушёл, Илья поставил перед Верой воду.

— Не обязана была рассказывать про провал памяти.

— Обязана. Иначе он найдёт позже и решит, что скрывала.

— Решит в любом случае.

— Тогда пусть ошибается на полном материале.

К полудню лабораторию вернули Вере на два часа.

В дверях поставили камеру. За спиной стояли Илья, криминалист и две понятые — соседка в вязаной шапке и водитель школьного автобуса. Красную лампу подключили через переноску. Старый увеличитель Вера не использовала: плёнка была широкая, контактная печать сохраняла края кадра.

Она объясняла каждое действие вслух.

— Проверяю упаковку. Повреждений нет. Вскрываю по шву. Роликовый задник формата шесть на девять. Пломбы отсутствуют. Вынимаю ролик.

Плёнка пахла металлом и старой тканью.

— Эмульсия наружу, — сказала Вера. — Её перематывали неправильно.

— Что это значит? — спросил Илья.

— Тот, кто заряжал задник, либо торопился, либо никогда не снимал этой камерой.

Она заправила плёнку в бачок. Растворы приготовила при всех из запечатанных упаковок. Термометр показывал двадцать градусов.

В темноте время измерялось звуками. Плеск проявителя. Стук доньшка о стол. Чужое дыхание за спиной. Кашель соседки.

Когда плёнку можно было вынуть на свет, Вера подняла спираль.

На ней было восемь кадров.

Вера не стала сразу печатать контакты. Сначала провела плёнку над световым столом, не снимая со спирали, и продиктовала плотность каждого кадра. Экспозиция менялась скачками. Третий и четвёртый получили одинаковый свет, шестой был снят почти вплотную к красной лампе. Восьмой имел другую зернистость, будто исходное изображение сначала пересняли с бумаги.

— Значит, подделка, — сказал Илья.

— Значит, копия. Подделкой она станет, когда поймём, что именно изменили.

Криминалист снял плёнку с двух сторон. На краях не было отпечатков, только тонкая полоса клея. Два фрагмента могли соединять в темноте. Шов проходил между седьмым и восьмым кадрами и был невидим, пока Вера не повернула эмульсию к боковому свету.

Восьмой кадр добавили отдельно.

Первые два — чердак. Камера снимала вниз, в отверстие вентиляционного канала. На третьем виднелась красная лаборатория: Вера стояла у стола с найденным негативом. Илья был в дверях.

Четвёртый кадр сделан через секунду или две. Ильи уже не было. За Верой, почти касаясь её плеча, стоял человек в светлом халате.

Лицо закрывала хирургическая маска. На голове — резиновая шапочка. Правая рука держала прищепку со свежим отпечатком.

Соседка охнула.

— Он был там? — спросил водитель.

— Нет, — сказала Вера.

Она помнила красный свет, качнувшуюся прищепку, собственные шаги. Между её спиной и стеной оставалось меньше полуметра. Человек не мог там стоять.

— Это двойная экспозиция, — сказал Илья.

— На современную плёнку в этой камере? Только если взводить затвор, не переводя кадр.

— Значит, так и сделали.

— Тогда почему он держит отпечаток, который появился в эту минуту?

Пятый кадр был почти чёрным. На шестом светлая рука тянулась к объективу. На запястье блестели часы, надетые циферблатом внутрь.

Седьмой показывал пустую лабораторию.

На восьмом Вера лежала на полу.

Она увидела подошвы собственных туфель, вывернутую руку, тёмные волосы на досках. У виска растекалось чёрное пятно. Рядом на коленях сидел Илья и прижимал пальцы к её шее.

— Это снято не ночью, — сказала Вера.

Голос прозвучал чужим.

— Ты же на полу не лежала? — спросила соседка.

— Не лежала.

Илья подошёл ближе к плёнке.

— Кадр можно было сделать заранее с похожими людьми.

— В моём пальто. В моих туфлях. Здесь.

— Поза лица не видна.

— У тебя на правой руке повязка.

На негативе белела узкая полоска бинта.

Илья посмотрел на свою ладонь.

В комнате стало тихо. Даже соседка перестала кашлять.

Криминалист первым нашёл объяснение:

— После волнореза. Кто-то мог снять постановку утром.

— Когда? — спросила Вера. — Дом всё время был под охраной.

— Тогда подделали плёнку.

— Она была запечатана при вас.

— Задник могли подготовить заранее.

— Повязка появилась два часа назад.

Илья наклонился к восьмому кадру. Его лицо в красном свете стало серым.

— Хватит. Заканчиваем процедуру. Плёнку упаковать.

— Остался край, — сказала Вера.

— Какой край?

— Если ролик заряжен криво, часть изображения уходит на служебный край. Там может остаться ещё несколько миллиметров.

Она осторожно развернула конец плёнки.

За восьмым кадром, там, где не должно быть изображения, проступала половина детского лица. Один глаз был открыт. Второй закрывала мокрая прядь.

Вера узнала Лиду Резник.

Не тринадцатилетнюю.

Так выглядела бы Лида сейчас.

В доме погас свет.

Камера у двери продолжала снимать от аккумулятора. На её экране Вера увидела, как в коридоре за Ильёй открылась дверь кухни.

— Не двигайтесь, — сказал он.

В темноте щёлкнул затвор.

Потом ещё раз, уже ближе.

Вера нащупала край стола. Чья-то ладонь легла ей на затылок. Перчатка была холодной и мокрой.

Она рванулась вниз. Пальцы соскользнули по волосам. Рядом вскрикнула соседка. Илья ударился о стул, выхватывая оружие.

Красная лампа вспыхнула.

У двери никого не было.

На полу лежала хирургическая маска. По белой ткани расплзлось бурое пятно.

Из вентиляционного канала над раковиной свисала прозрачная трубка.

На её конце блестела игла.

Глава 4. Те, кто ходил в «Прибой»

Игла не успела коснуться Веры.

Прозрачная трубка дёрнулась вверх, ударила о край вентиляции и исчезла в канале. Илья выстрелил в потолок не сразу. Сначала толкнул Веру за стол, поднял голову, увидел пустое отверстие. Только потом рука с пистолетом напряглась — и опустилась.

— Чердак, — сказал он криминалисту.

Тот уже бежал в коридор.

Вера встала. На затылке осталось ощущение чужих пальцев. Она провела ладонью по волосам и нашла мокрый след.

— Не трогай.

Илья взял ватную палочку из раскрытого чемодана и провёл по прядям. Палочка пожелтела.

— Чем пахнет?

Вера понюхала воздух.

— Спиртом. И пластиком.

Соседка плакала у стены, закрыв рот обеими руками. Водитель школьного автобуса держал табурет перед грудью, как щит.

С чердака крикнули:

— Пусто! Окно открыто!

— Оно было закрыто, — сказала Вера.

Илья посмотрел на кухонную дверь, потом на вентиляцию.

— Всех из дома. Сейчас.

* * *

К полудню двор вытоптали люди в бахилах. В овраге за домом нашли один след — смазанный каблук на глине — и короткий кусок лески. Дальше начинался ручей. Он уходил под дорогой в трубу, а за трубой открывалась россыпь камней, где следов уже не было.

Иглу нашли в водосточном желобе. Шприца не было.

На металле сохранилась прозрачная капля. Криминалист втянул её в стерильную пробирку, промыл иглу раствором и упаковал отдельно. Экспресс-полоска показала лекарственное соединение, но не название. Вере дважды осмотрели кожу головы. Прокола не нашли.

Трубку растянули на белой подложке. Длина — метр восемьдесят шесть, на одном конце срез ножницами, на другом стандартный соединитель. Такие ставили на капельницы, системы промывания и лабораторные дозаторы. Серийной маркировки не было. На внутренней стенке остались пузырьки жидкости и тонкая белая взвесь.

— Отпечатки? — спросила Вера.

— Поверхность ребристая, — ответил криминалист. — Попробуем. Но её тянули по кирпичу и желобу.

На внешней стороне трубки нашли две бурые полосы. Одна совпадала с ржавчиной водостока. Вторая реагировала как кровь, но была настолько мала, что её отложили для лаборатории. Если нападавший порезался, след мог дать профиль. Если трубка касалась иглы, кровь могла принадлежать прежнему пациенту или самой Вере, хотя прокола не обнаружили.

Илья велел Денису обзвонить клинику, скорую, ветеринарный пункт и аптеку: где используют такой диаметр, кому выдавали системы, не пропадали ли упаковки. Вера слушала, как список разрастается. Один предмет открывал десятки законных путей. Это было честнее, чем сразу вести его к единственному врачу в посёлке.

— Образец с волос тоже отдельно, — сказала она.

— Уже.

Криминалист показал две пробирки. На первой стояло время 09:41, на второй — 09:39. Палочку сняли раньше жидкости с иглы, но номера присвоили в обратном порядке. Он зачеркнул время одной чертой, вписал правильное и расписался рядом. Исправление осталось видимым.

— Он хотел усыпить тебя или только испугать, — сказал Илья.

— Для испуга хватило бы пустой трубки.

— Мы не знаем, была ли доза смертельной.

— Зато тот, кто её набирал, знает.

Она попросила снять жёлтый след с волос до того, как его смоют. На фотографии палочка выглядела чистой. Только номер на бирке доказывал, что образец существовал.

Илья отвёз Веру в старое здание администрации порта. После пожара в участковом пункте полиция занимала две комнаты на втором этаже. На первом пахло мокрыми робами и дешёвой лапшой. За стеной гудел копировальный аппарат.

В комнате для опросов стояли четыре разных стула. Вера выбрала тот, что был обращён к окну.

— Кого ты собираешь? — спросила она.

— Всех, кто ходил с вами в «Прибой».

— Павел мёртв.

— Поэтому остальных осталось двое.

— Трое.

Илья положил на стол блокнот.

— Лида пришла позже. Ты сама сказала.

— Она не ходила с нами.

— Но оказалась там.

— Мы этого не видели.

— Зато Антон записал.

Вера подняла голову.

— Где?

— В протоколе твоего опроса.

— Я не помню опроса.

— Тебя опрашивали дома. В присутствии отца.

— Значит, он сам и отвечал.

Илья не спорил. Отодвинул блокнот и открыл дверь.

Вера удержала папку ладонью.

— Покажи протокол.

— Он в архиве старого отдела.

— Ты его читал.

Илья сел обратно. Достал из внутреннего кармана сложенную копию. Бумага разошлась на сгибах, нижний угол был обожжён.

В графе «опрашиваемая» стояло имя Веры. Ответы были напечатаны машинкой. «В санаторий не входила». «Лиду после школы не видела». «О существовании камеры не знала». Под текстом — подпись, похожая на её детскую, и росчерк Антона как законного представителя.

— Я так не подписывалась, — сказала Вера.

— Подпись проверяли в две тысячи седьмом, когда Марина пожаловалась в прокуратуру. Эксперт написал: могла выполнить ты, могла быть имитация.

— Великолепная точность.

На обороте карандашом стояла фраза: «Ребёнок дезориентирован после препарата. Повторный опрос нецелесообразен». Название препарата отсутствовало. Врач не указан.

— Кто решил, что нецелесообразен?

— Антон. И начальник отдела.

— Шевцов?

— Его подписи нет.

Вера вернула копию. Бумага оставила на пальцах серую пыль.

Первой пришла Светлана Юдина.

Она вошла быстро, стряхивая воду с короткого плаща. Волосы были собраны на затылке, губы накрашены слишком ярко для полудня. Вера узнала не лицо, а привычку: Светка и в школе сначала осматривала комнату, потом людей.

Её взгляд задержался на Вере.

— На похороны приехала, а попала в старый кружок.

— Садись, — сказал Илья.

— Я на работе. У нас ревизия.

— Павла нашли мёртвым.

Светлана сняла плащ. Под ним был серый костюм, на левом рукаве — капля тонального крема.

— Я слышала.

— От кого?

— В Керне это вопрос? От всех.

Она села напротив Веры.

Между ними стоял стол шириной меньше метра. Светлана положила телефон экраном вниз, сумку не сняла с плеча. От неё пахло дорогими духами и табачным дымом. Под запахом угадывался влажный бетон, тот же, что в коридоре санатория после прилива. Возможно, Вера просто ждала его и потому находила везде.

Илья включил диктофон, назвал время и предупредил, что разговор пока добровольный. Светлана кивнула, но взгляд задержался на красной лампочке записи.

— «Пока» мне понравилось, — сказала она.

— Тогда отвечай так, чтобы не пришлось менять статус.

— Как?

— Утопление пока не подтверждено, — сказал Илья. — Тело выставили на волнорезе.

Светлана посмотрела в окно.

— Он всегда туда ходил.

— Ночью?

— Когда выпьет.

— На этот раз не пил.

— Значит, начал бегать по утрам.

Илья открыл прозрачный файл. Внутри лежала распечатка старого кадра, сделанная с цифровой копии. Он положил её перед Светланой.

— Узнаёшь?

Она не прикоснулась.

— «Прибой».

— Людей.

— Веру. Павку.

— Третьего?

Светлана чуть наклонилась. Красные губы сжались.

— Засветка.

— Ты там была?

— Нет.

Вера слышала ложь сразу. Не по голосу — по слову. В четырнадцать лет Светка называла повреждённые кадры белыми, сожжёнными, испорченными. «Засветку» она узнала позже.

- Камеру искали втроём, — сказала Вера. — Ты шла с нами до ограды.
- Я передумала.
- Где?
- У котельной.
- Там не было прохода.
- Был пролом за угольным складом, — сказала Светлана. — Его потом заложили. Илья раскрыл старую схему корпуса.
- Угольный склад с северной стороны. Котельная с западной. Между ними забор. Светлана даже не посмотрела на схему.
- В четырнадцать лет стороны света меня не интересовали.
- Зато сейчас ты бухгалтер порта и каждый день работаешь с планами складов, — сказала Вера.

Светлана медленно повернулась к ней. На секунду в лице появилась прежняя девочка, пойманная с чужой сигаретой. Потом губы снова сложились в аккуратную линию.

- Был. Ты просто не помнишь.
- Зачем вы пошли в санаторий? — спросил Илья.
- Из-за камеры. Павка сказал, что Мерц спрятал её в старом крыле.
- Почему спрятал?
- Не знаю.
- Откуда Павел узнал?
- От Веры.

Теперь лгала уже осторожнее. С паузой, оставляя себе выход.

Вера сказала:

- Я узнала о камере у самой ограды. От тебя.

Светлана взяла распечатку двумя пальцами. Ногти были короткие, кожа вокруг большого пальца содрана.

- Ты уехала и забыла половину жизни. Удобно.
- Ты помнишь вторую половину. Расскажи.
- Мы не заходили внутрь.
- Павел на снимке у окна.
- Значит, зашли вы. Я ушла.
- Одна?
- Одна.
- Лиду видела?
- Светлана положила снимок. На глянце остался влажный отпечаток пальца.
- Нет.

Дверь открылась без стука.

Марина Резник вошла в белом аптечном халате под расстёгнутой курткой. В одной руке держала сложенный зонт, в другой — полиэтиленовый пакет с чем-то тяжёлым.

- Вызывали не меня, — сказала она. — Поэтому пришла сама.

Илья встал.

- Марина, подожди в коридоре.
- Двадцать лет ждала.

Она увидела распечатку и шагнула к столу. Светлана отодвинулась так резко, что ножка стула скрипнула.

- Откуда это?
- Материал проверки, — сказал Илья.

Марина взяла снимок. Долго смотрела на светлую фигуру между Верой и Павлом.

- Это не Лида.

— Почему? — спросила Вера.

— Лида была ниже тебя. И платьев не носила с десяти лет. Особенно светлых.

— Тогда кто?

— Спроси у отца.

— Он умер.

— Я знаю. Видела, как его закапывали.

Марина бросила пакет на стол. Внутри звякнул металл. Илья раскрыл его в перчатках.

Там лежала жестяная коробка из-под чая. Крышка проржавела по краям. В коробке — три кассеты с магнитофонной плёнкой и сложенный лист бумаги.

Коробку поставили на чистый лист. Ржавчина осыпалась мелкими чешуйками. На дне пакета лежали две сухие еловые иглы и крупинка белой штукатурки. У дома Марины елей не было; у дома Антона росла одна, возле заднего забора.

— Пакет твой? — спросил Илья.

— Из аптеки. Я переложил коробку щипцами.

— Значит, исходная упаковка осталась под дверью?

— Там не было упаковки.

— И дождь не намочил бумагу.

Марина выдержала взгляд.

— Я сказала: под навесом.

На её левом рукаве темнела полоса ржавчины. Вера заметила, но промолчала. Марина могла задеть коробку, несмотря на щипцы. Могла принести её не от двери. Оба объяснения пока стоили одинаково мало.

— Это было у меня под дверью сегодня утром, — сказала Марина. — На бумаге адрес дома Ланского.

Илья развернул лист. Адрес написан печатными буквами. Ни подписи, ни даты.

— Ты открывала кассеты?

— Я похожа на человека с магнитофоном?

— Коробка сухая, а у тебя зонт мокрый.

— Она лежала под навесом.

— Почему не позвонила сразу?

— Потому что в прошлый раз позвонила сразу. Потом исчезло дело, одежда Лиды и человек, который видел её внизу.

Светлана встала.

— Я пойду.

Марина повернулась к ней.

— Сядь.

— Не командуй мной.

— Ты последняя видела мою сестру.

— Это Павел тебе сказал?

— Павел мне двадцать лет ничего не говорил. Теперь уже точно не скажет.

Светлана побледнела под тональным кремом.

Илья шагнул между ними.

— Марина, кто видел Лиду внизу?

Она не отвела взгляда от Светланы.

— Антон Ланской.

Вера почувствовала, как стол упёрся в её ладони. Она не помнила, когда наклонилась.

— Отец сказал, что нашёл только её сандалию у дренажа.

— Тебе сказал.

— А тебе?

— Что на решётке была кровь. Что снизу слышали удары. Потом пришёл через два дня и отказался от своих слов.

— Ты лжёшь.

— Конечно. Здесь все лгут, кроме мёртвых. А мёртвым твой отец не дал заговорить. Марина ткнула пальцем в фотографию.

— Он знал, кто стоит на снимке. Поэтому плёнка двадцать лет лежала у него, а не в деле.

— Её могли проявить недавно.

— Он ходил к Мерцу. Спрашивал, как вытащить второй кадр из первого. Через неделю умер.

Илья записал фразу.

— Когда ходил?

— В конце июля.

— Откуда ты знаешь?

— Я слежу за Мерцем.

Это признание прозвучало буднично.

— Зачем?

— Потому что камера была его. Потому что он до сих пор хранит то, что осталось от той ночи.

Светлана дошла до двери.

— Если вы закончили, у меня работа.

— Не закончили, — сказал Илья. — Где ты была сегодня с часа до четырёх?

— Дома.

— Одна?

— Да.

— Машина?

— Во дворе.

— Камеры на доме есть?

— Нет.

— На звонки отвечала?

Светлана взялась за ручку.

— Телефон разрядился.

Марина тихо засмеялась.

— Она и в тринадцать лет так врала. Только тогда краснела до ушей.

Светлана обернулась.

— А ты и тогда рылась в чужих вещах.

— В каких вещах?

Светлана поняла ошибку. Пальцы на ручке побелели.

— В любых. Ты всегда за нами следила.

Она вышла.

Через окно Вера увидела, как Светлана пересекла двор. У ворот остановилась, достала из сумки телефон и включила его.

Экран загорелся сразу.

Батарея не была разряжена.

Светлана дошла до ворот, но не уехала. Её машина стояла через дорогу от администрации. Она села за руль, закрыла двери и несколько минут держала телефон у лица, не набирая номер.

Илья попросил Дениса переписать номер машины и время выезда. Светлана услышала через открытое окно, вышла обратно и положила телефон на крышу автомобиля.

— Забирайте, если уже решили, что я убийца.

— Добровольно? — спросил Илья.

— А если нет?

— Тогда верни себе и дождись постановления.

Она не ожидала, что он откажется от лёгкой улики. Несколько секунд телефон лежал между ними под дождём. Вода стекала по экрану.

— Там банковские клиенты, — сказала Светлана.

— Поэтому я не возьму его без оформления.

— А её телефон вы забрали.

— Вера передала данные звонка и копии снимков. Сам аппарат при ней.

Светлана схватила телефон и вытерла о плащ. Вера заметила на внутренней стороне прозрачного чехла маленький белый прямоугольник — пропуск в архив порта. Дата печати была вчерашняя.

— Ты работала ночью? — спросила она.

— Ревизия.

— С которого часа?

— С десяти до двух.

Это уже было алиби, которое можно проверить. Светлана поняла и добавила:

— После часа я была одна. Остальные ушли.

Она сама сузила промежуток до времени смерти Павла. Илья ничего не записал при ней. Только попросил Дениса сохранить запись камеры у входа в архив и журнал электронного замка.

Вера вышла во двор.

— Света.

Стекло опустилось на ладонь.

— Я всё сказала.

— Ты сказала, что ушла у котельной. Потом — что у пролома. Это разные стороны корпуса.

— За двадцать лет тропу перенесли?

— Тропу — возможно. Корпус нет.

Светлана достала сигарету. Зажигалка щёлкнула трижды, прежде чем появился огонь.

— Думаешь, если работаешь с трупами, живые стали прозрачными?

— Нет. Живые лгут лучше.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Хочу услышать, какую ложь выберешь второй раз.

Светлана втянула дым и сразу выпустила в щель окна.

— Мы пошли за камерой. Павка сказал, внутри есть снимки взрослых. Не голые тётки, как он потом рассказывал. Люди из санатория выносили ночью коробки. Он хотел продать плёнку газете.

— Откуда узнал?

— От Мерца. Подслушал в ателье.

— В комнате ты сказала, что узнал от меня.

— Значит, ошиблась.

— Ты не ошибаешься там, где боишься.

Светлана посмотрела на вход. За стеклом первого этажа двигалась Марина.

— Она следила за нами ещё до Лиды. Проверяла мои карманы, читала записки, караулила у школы. Если кто-то и умеет хранить чужие вещи двадцать лет, то Марина.

— Зачем она следила?

Светлана выдохнула дым через нос.

— Лида таскалась за нами. Марина считала, что мы её дразним.

— Дразнили?

— Павка дразнил всех. Ты делала вид, что не замечаешь. Я иногда защищала. Иногда нет. Нормальные дети.

— Лида пошла за вами потому, что хотела вернуть камеру?

Светлана стряхнула пепел в лужу.

— Откуда мне знать, зачем она пошла?

— Ты только что сказала «пошла».

Огонёк сигареты дрогнул.

— Мы все знаем, что она оказалась у санатория.

— У санатория или внутри?

Светлана подняла стекло на несколько сантиметров.

— Ты задаёшь вопросы так, будто ответ уже снят крупным планом.

— Нет. Поэтому я и стою под дождём.

— Какие вещи?

— Заколку. Ключ. Что угодно.

— Красную бабочку?

Сигарета замерла у губ Светланы.

— Ты нашла?

— Почему решила, что речь о ней?

Светлана выбросила сигарету в лужу.

— Потому что потеряла её тогда. И потому что ты приехала не хоронить отца. Ты приехала разбирать нас по кускам.

— Я приехала слишком поздно.

— Вот в этом мы похожи.

Она завела двигатель. Прежде чем поднять стекло, сказала:

— Если Марина покажет дневник, смотри даты. Лида писала задним числом. Любила делать вид, что знала всё заранее.

Машина выехала со двора.

Вера подняла окурок в салфетке. На фильтре остался след яркой помады. Она не знала, зачем сохраняет его, но положила в отдельный карман.

Вернувшись, она застала Марину у окна.

Марина тоже увидела.

— Следующей будет она, — сказала она.

— Почему? — спросил Илья.

— Павел боялся воды. Светка боится темноты.

— Кто это знает?

— Все, кто был внизу.

Вера посмотрела на Марину.

— Ты сказала, Лиды на снимке нет. Но говоришь так, будто знаешь, что было внутри.

Марина застегнула куртку.

— Я нашла её дневник.

— Где он?

— Там, где ваш следователь уже не сожжёт.

Она ушла, оставив коробку с кассетами.

Через минуту в комнату заглянул Денис.

— На улице люди собрались. Требуют сказать, правда ли Павла убила Марина.

Слух успел появиться раньше официальной версии. Кто-то передал содержание опроса почти дословно: коробка под дверью, исчезнувший дневник, обвинения в адрес Антона.

Илья проверил телефоны сотрудников. Никто не признавался, что звонил наружу. Диктофон всё время лежал на столе, окно было закрыто, дверь дважды открывалась: когда вошла Марина и когда вышла Светлана.

— В коридоре сидели двое портовых, — сказал Денис. — Могли услышать.

— Они знают про дневник? — спросила Вера.

Денис нахмурился. Про дневник говорили негромко, уже после того, как портовых увели с этажа.

Илья осмотрел вентиляционную решётку под потолком. За ней шёл общий канал в соседнюю комнату, где стоял старый проводной телефон и копировальный аппарат. Если положить рядом диктофон или включённый мобильный, разговор можно было слышать целиком.

Они нашли только свежую царапину на одном винте.

Денис принёс из соседней комнаты служебный телефон и положил его рядом с копировальным аппаратом. Илья остался у решётки, Вера вернулась к столу и прочитала вслух первые две строки протокола. Через открытую связь слова доходили с металлическим гулом, но фамилии и числа различались. Когда дверь в коридор закрыли, голос стал даже чище: пустой канал работал как труба.

Потом Денис убрал телефон на подоконник. Реплики превратились в шорох. Значит, аппарат должен был лежать почти вплотную к вентиляции. Случайно подслушать разговор из соседней комнаты не получалось.

На пыльной крышке копира нашли прямоугольный чистый след размером с небольшой мобильный. Рядом тянулась свежая полоска от провода. Розетки там не было; устройство питалось от собственного аккумулятора или внешней батареи. Отпечатков не осталось, зато в углу застряла крупинка белой изоляции.

— Кто заходил сюда утром? — спросил Илья.

Дежурная назвала уборщицу, Дениса и мастера, который проверял проводку после ночного скачка напряжения. Мастер расписался как «Н. Беляев», удостоверение показал издали и ушёл до приезда полиции. Заявки на ремонт никто не подавал.

Денис побледнел.

— Я его видел. Думал, порт прислал.

— Запиши не то, что думал, — сказал Илья. — Запиши одежду, руки, сумку и время.

Описание давало человека среднего роста в светлом дождевике. Правую руку он держал в кармане. Лица Денис почти не запомнил: мастер стоял спиной и задавал обычные вопросы про автоматы в щитке.

Убийца мог услышать весь опрос и выпустить наружу только ту часть, которая направляла толпу к Марине. Он не следил за расследованием со стороны. Он уже входил в их комнаты под именем, которое пока ничего им не говорило.

Илья вышел к крыльцу. Вера наблюдала через окно. У ленты стояли рыбаки, две аптечные работницы и мать школьника, которого Марина однажды обвинила в краже лекарств. Люди не хотели фактов. Им требовалось имя, после которого можно разойтись по домам.

— Никто не задержан, — сказал Илья. — Павел Гринь погиб. Остальное — тайна следствия.

— Марина двадцать лет грозилась! — крикнули из толпы.

— Угрозы проверяются. Самосуд тоже расследуется.

После этой фразы заговорили тише.

Вера заметила мужчину в светлом дождевике у дальнего забора. Он снимал окна администрации на телефон. Когда она подняла собственную камеру, мужчина отвернулся и ушёл между складами.

Денис побежал следом, вернулся без него. На месте остался окурок без фильтра и след обуви с двумя полосами влажной грязи.

— Приливная? — спросила Вера.

— Или лужа в два слоя, — ответил Илья. — Сначала образец.

Она уже начинала слышать его голос внутри своей головы, возвращающий каждому наблюдению границы.

Илья закрыл дверь и включил старый магнитофон из шкафа. Первая кассета зажевала плёнку. Вторую удалось прокрутить.

Вера остановила его через три секунды.

— Сначала копия.

— У нас нет второго аппарата.

— Тогда не проигрывай оригинал на механизме, который уже съел одну ленту.

Денис принёс цифровой диктофон и кабель. Кассету прокрутили вручную до неповреждённого участка, прижали крышку магнитофона резинкой. Вера сняла положение плёнки, номер кассеты и царапину на корпусе. Только после этого Илья нажал клавишу.

Из динамика послышался голос Антона Ланского. Далёкий, хриплый, перебитый шумом моря.

«Проверка звука. Двадцать восьмое июля. Мерц утверждает, что на плёнке наложены два времени. Если разделить...»

Щёлкнуло. Запись оборвалась.

Потом заговорил другой мужчина:

«Антон, не надо было снова это проявлять».

Вера узнала голос. Вчера он произносил речь у могилы её отца.

Аркадий Шевцов.

Глава 5. Кожа под ногтями

На следующий день в морге пахло хлоркой, холодным железом и кофе.

Егор пил его из бумажного стакана, стоя у раковины. На нём был чистый халат. Рукава закатаны до локтей. Вера заметила старый белый шрам у запястья и заставила себя смотреть на стол.

Павел лежал под лампой. После воды кожа посерела, губы стали тонкими. Верёвку с груди сняли, но две полосы вдавления остались под мышками и сходились на спине.

— Официально ты здесь как специалист по фотодокументации, — сказал Егор. — Не как дочь Ланского, подруга погибшего или человек, на которого напали утром.

— Мы с Павлом не были друзьями двадцать лет.

— Телу всё равно.

Илья стоял у двери. Повязку на руке сменили, но он продолжал держать ладонь полусогнутой.

— Начинай, — сказал он.

Егор включил диктофон.

Вера снимала по схеме: общий вид, одежда, повреждения, масштабная линейка. Рабочее движение вернуло рукам точность. Через объектив Павел перестал быть мальчишкой, который однажды бросил её одну в тёмном коридоре. Осталось тело, искажённое чужими действиями.

Егор не позволил срезать одежду до рентгена. Они переворачивали Павла втроём, подкладывая чистую плёнку под каждую сторону. На спине к ткани прилипли две бурые крупинки и короткий светлый волос. Волос оказался синтетическим, из щётки или дешёвого меха. Крупинки упаковали отдельно.

В карманах нашли мокрый кошелёк, связку ключей от спасательной станции, две монеты и сложенный чек. Чек выцвел, но время читалось: 00:16, круглосуточный магазин у порта. Хлеб, консервы, лук, вода. Павел покупал один и расплатился наличными.

— Камера в магазине есть, — сказал Илья.

— Была, — ответил Егор. — Сначала запроси, потом радуйся.

На внутренней стороне куртки обнаружилась прорезь. Не разрыв от борьбы: края ровные, подкладку распустили заранее. В узком кармане ничего не осталось, только квадратный след пыли и полоска клея.

— Носил что-то плоское, — сказала Вера.

— Карту памяти, снимок, пропуск, — перечислил Илья.

— Или сложенный негатив.

Егор поставил номерную табличку и попросил её снять карман до того, как ткань расправят.

На затылке была неглубокая ссадина. Под правым ухом — прокол. На предплечьях синяки от пальцев. На правой ладони два пореза и сломанный ноготь.

— Он сопротивлялся до укола? — спросила Вера.

— Или после. Кровоподтёки прижизненные.

Егор взял соскоб из-под ногтей. Из указательного извлёк ещё один прозрачный фрагмент. Под лампой он оказался не кожей, а тонким полимером с синей полосой.

— Перчатка, — сказал Илья.

— Вероятно.

— Медицинская?

— Нитрил используют врачи, уборщики, парикмахеры и половина людей, которые не хотят пачкать руки.

Егор положил фрагмент в контейнер.

— Биологический материал на внутренней стороне может дать профиль. Если убийца носил перчатку раньше или вывернул её при борьбе.

— Под ногтями есть кожа? — спросил Илья.

— Есть эпителий. Чей — после анализа.

Егор сделал разрез. Вера отвела взгляд лишь на секунду, чтобы сменить положение. Она видела вскрытия раньше. Труднее было узнавать на столе знакомые шрамы: круглый след ожога на плече, который Павел получил у школьной печи; кривой мизинец после драки на пирсе.

В лёгких была вода. Не морская, сказал Егор после первого теста. Слишком мало соли, другой состав взвеси.

Он набрал воду из бронхов в две пробирки. В одной плавала тонкая рыжая взвесь, во второй осели тёмные точки.

— Ржавчина и угольная пыль, если на глаз, — сказал он. — Но глаз в протокол не пойдёт.

На слизистой рта остались микроскопические зелёные волокна. Такие могли быть водорослью из стоячей воды или материалом старой верёвки. В носовых ходах — белая минеральная крошка. Егор собрал её до промывания.

— Если резервуар связан с морем, почему вода почти пресная? — спросила Вера.

— Сброс мог произойти после дождя. Или это накопительная ёмкость выше прилива. Нам нужен образец с каждого стока.

Илья записал: портовая ливнёвка, санаторий, спасательная станция, клиника. Список получился длиннее удобной версии.

— Пресная? — спросил Илья.

— Техническая. Возможно, резервуар или ливневый сток. Песок мелкий, есть ржавчина.

— Его утопили не на волнорезе.

— Да.

— Потом привезли и выставили.

— Да.

— Время?

— Между двумя и тремя часами. Седативное могло сдвинуть обычные признаки. Точнее после химии.

Егор разрезал ткань вокруг прокола и взял образец.

— Игла тонкая. Вводили в мышцу за ухом или промахнулись по вене. Есть кровоизлияние по ходу канала.

— Чем?

— Экспресс-тест показывает бензодиазепин. Похоже на мидазолам.

Илья записал название.

— Где его взять?

— В стационаре, стоматологии, машине скорой. Иногда в аптеке по спецучёту. Если знаешь, что красть.

— У Шевцова есть частная клиника, — сказала Вера.

Егор поднял на неё глаза.

— А у Марины аптека.

— Марина не врач.

— Зато заведующая. Не выбирай подозреваемого по голосу на плёнке.

Илья рассказал ему о заднике с плёнкой. Не всё: не упомянул дневник Лиды и фразу Светланы про чужие вещи. Когда дошёл до голоса Шевцова, Егор снял перчатки и выбросил их.

— Он мог говорить с Антоном о чём угодно.

— «Не надо было снова это проявлять», — повторила Вера.

— Значит, знал о плёнке. Это ещё не убийство.

— Ты его защищаешь?

- Я защищаю разницу между подозрением и результатом анализа.
- Егор подошёл к столу с образцами.
- Здесь запах сильнее.
- Он поднёс к носу пакет с воротом куртки Павла.
- Гвоздичное масло. Эвгенол. Бывает в стоматологических материалах, антисептиках, парфюмерии. И перебивает часть запахов.
- Фотохимию? — спросил Илья.
- Может смешаться. На берегу я принял одно за другое.
- Вера вспомнила сладкий запах на верёвке.
- Убийца был близко к Павлу. Запах мог перейти с рук или одежды.
- Мог, — сказал Егор. — Или Павел лечил зуб.
- Он осмотрел рот. На нижнем коренном зубе белела свежая временная пломба.
- Вот и простое объяснение.
- Когда поставили?
- Спроси у стоматолога.
- Кто лечит в Керне?
- Два раза в неделю приезжает врач из клиники Шевцова.
- Егор произнёс фамилию ровно. И всё же пауза перед ней была.
- Илья заметил.
- Ты знаком с Аркадием Львовичем?
- Он подписывает часть районных договоров. Мы все знакомы.
- Временные пломбы с эвгенолом сейчас часто ставят?
- Реже, чем раньше. Дёшево и работает.
- Вера сняла зуб крупно. На соседней десне была царапина, свежая, как от инструмента.
- Павел мог выдрать пломбу у убийцы ногтем?
- Егор посмотрел на неё, затем снова в рот.
- Пломба у Павла целая.
- Я не про его пломбу.
- Ты хочешь найти у него под ногтями стоматологический цемент?
- Хочу, чтобы ты поискал.
- Егор ничего не ответил. Взял новый инструмент и повторно собрал материал.
- Через час пришёл предварительный результат по содержимому желудка. Павел ел около полуночи: хлеб, рыбные консервы, лук. Алкоголя почти не было. В крови подтвердился мидазолам, доза достаточная, чтобы нарушить координацию, но не выключить сознание сразу.
- Он мог идти сам, — сказал Илья.
- Несколько минут. Потом стал бы сонным, слабым. При фиксации сопротивлялся бы плохо.
- Почему не ввести больше?
- Большая доза могла убить раньше времени.
- Значит, убийца рассчитал дозу? — спросил Илья.
- Рассчитать по росту на глаз можно плохо. Здесь человек знал массу Павла или дал меньше с запасом. Препарат вводили не один раз: в мышце два канала, почти совпавших. Первый укол мог быть пробным или Павел дёрнулся.
- Егор показал Вере два тонких кровоизлияния. Второе лежало глубже и шло под другим углом.
- Кололи правой рукой, стоя сзади, — сказала она.
- Вероятно. Если Павел сидел.
- Почему сидел?
- След от жёсткого края под коленями. Его прижали к спинке или борту. Посмотри.

На задней поверхности бёдер шли две параллельные полосы. Вера сняла их с линейкой. Расстояние совпадало с поперечными прутьями сетчатой каталки, но Егор велел не записывать совпадение до контрольного измерения.

Егор отодвинул лоток.

— Утопили лицом вниз. На шее нет захвата, зато синяки на лопатках и тазу. Его прижимали к неглубокой воде коленом или доской.

Вера представила ржавый резервуар. Павел приходит в себя, чувствует воду у рта, пытается подняться. Чужой вес давит на спину. Руки скользят по металлу.

Она убрала камеру от лица.

— Перерыв? — спросил Егор.

— Нет.

— Ты побледнела.

— Свет такой.

— Свет белый.

Илья вышел ответить на звонок. Егор выключил диктофон.

Тишина в морге оказалась громче записи. Работала вытяжка, щёлкала реле холодильника. Егор сменил перчатки, хотя не касался ничего нового.

— Ты ночевала в доме? — спросил он.

— Два часа на кухонном стуле.

— После иглы тебя должны были оставить под наблюдением.

— Меня оставили под наблюдением камеры и молодого сотрудника, который заснул раньше меня.

— Я не шучу.

— Я тоже.

Егор открыл шкаф, достал маленький фонарь и стерильный пакет.

— Вера, если тот же человек убил Павла и пришёл в дом, он не предупреждает. Он проверяет доступ.

— Поэтому я не уеду.

— Я не просил уехать.

Она посмотрела на него. Раньше он просил именно это, только другими словами: оставить чужую смерть специалистам, закрыть камеру, вернуться в номер. Сейчас Павел лежал между ними и делал старый совет невозможным.

— На затылке есть прокол?

— Ты только что его снимала.

— У меня.

Он замер.

Вера наклонила голову и раздвинула волосы. Егор подошёл с фонарём. Его пальцы не коснулись кожи.

— Ссадина. Две параллельные линии. Перчатка или ногти.

— Игла была в сантиметре.

— Поэтому ты здесь, а не на соседнем столе.

Он взял образец с её волос.

— В трубке мог остаться препарат. Иглу уже отправили?

— Да.

— Результат проси быстрее. Если это тот же мидазолам, нападение и убийство связаны без фотографий и привидений.

— А если другой?

— Тогда у тебя два человека, которые хотят воткнуть тебе иглу в голову.

Вера посмотрела на него.

— Ты умеешь утешать.

— Ты всегда выбирала честных.

Илья вернулся с листом в руке. Ночные образцы успели отвезти во Владивосток вместе с первой машиной.

— В аптеке Марины не достача двух ампул мидазолама. Ревизия была вчера.

— Кто сообщил? — спросила Вера.

— Она сама. Пять минут назад.

— Почему сейчас?

— Говорит, после нашего разговора проверила журнал.

Егор включил диктофон.

— Когда пропали?

— По журналу не пропадали. Приход и расход сходятся. Физически двух нет.

— Как препарат хранят? — спросила Вера.

— В металлическом шкафу, журнал у ответственного, остатки ампул сдают, — сказал Егор. — Но в маленьких учреждениях ключ часто лежит в верхнем ящике, а подписи ставят вечером за весь день.

— В клинике Шевцова?

— Запрос покажет.

— Ты там проводил проверки.

Егор выдержал паузу.

— Две. По документам всё сходилось. Фактический пересчёт делала комиссия клиники до моего приезда.

Илья записал и это.

— Получается, не достача могла быть и там.

— Получается, вы должны считать, а не выбирать аптеку, потому что Марина кричит громче других.

— Значит, подменили записи, — сказала Вера.

— Или Марина создаёт себе алиби честностью, — ответил Илья.

Он положил перед ними второй лист. Распечатка входящего вызова на телефон Веры.

— Номер оформлен на Лиду Резник.

Вера перечитала строку.

Дата рождения совпадала. Паспорт значился выданным через пять лет после исчезновения.

— Это невозможно.

— Документ поддельный. Сим-карту купили месяц назад во Владивостоке.

— Камеры?

— Запросили.

Егор посмотрел на тело Павла.

— Кто-то хочет, чтобы вы расследовали месть мёртвой девочки.

— Или чтобы мы так думали, — сказал Илья.

Перед окончанием Егор вернулся к рукам Павла. На левом запястье под часами обнаружился квадрат более светлой кожи.

— Там что-то носили поверх ремешка, — сказал он.

Вера увеличила снимок. По углам квадрата оставались следы клея.

— Датчик?

— Медицинский пластырь. Или маленький пакет.

Под ремешком нашли крупинку фотобумаги и обрывок прозрачной ленты. Павел мог прикрепить к руке ключ, карту памяти или кусок негатива, чтобы не потерять в воде. Предмет сняли после смерти.

Клей на коже ещё сохранял запах растворителя. Егор взял контрольный образец с чистого участка ремешка. Квадрат был размером с маленькую карту памяти в пластиковом адаптере.

— Если он спрятал запись, убийца её нашёл, — сказал Илья.

— Или Павел снял сам перед встречей, — ответила Вера. — В мастерской надо искать упаковку, устройство, след пыли такого же размера.

— После уведомления семьи.

— После постановления, — поправил Егор. — Семья может не разрешить.

Илья раздражённо захлопнул блокнот. Вера понимала его: пока они называли правильные процедуры, человек, знавший гараж Павла, мог убрать всё остальное. Но именно спешкой Антон однажды объяснил подменённый протокол.

На ладони сохранился отпечаток сетчатой поверхности. Егор приложил масштаб: рисунок напоминал пол старой медицинской тележки.

— Его перевозили на каталке, — сказала Вера.

— Возможно. Такой металл бывает и в грузовых фургонах.

Илья запросил машины клиники, скорой, санатория и порта. В Керне оказалось семнадцать каталок с похожей сеткой. Половина списана, четыре исчезли после закрытия «Прибоя».

Одна числилась у спасательной станции Павла.

— Убийца мог взять его же оборудование, — сказал Илья.

— Или Павел приехал к нему сам.

В кармане брюк нашли песчинки красного гранита. На волнорезе такого камня не было. Им отсыпали двор клиники и дорожку к аптеке Марины.

Версии снова расходились в две стороны.

Осмотр закончили после двух. Тело накрыли, лампы над столом погасили одну за другой. В тёмном металле шкафов Вера увидела своё отражение: халат велик, волосы выбились, на щеке серый след от перчатки.

Она сняла халат над отдельным пакетом. На манжете обнаружилась капля крови, которой не должно было быть: во время вскрытия руки были закрыты, к столу этим местом она не прикасалась. Егор посмотрел запись. На двадцать третьей минуте Павла переворачивали, и кровь с повреждённого ногтя попала на край плёнки, затем на рукав Веры.

— Контакт объяснён, — сказал он.

— Запиши до анализа.

Если позже на халате найдут ДНК Павла, оно не станет доказательством её прикосновения к телу до осмотра. Маленькая капля могла превратить специалиста в часть версии, если забыть минуту, когда появилась.

Вера вымыла руки. Вода сначала шла розовой от проявляющего маркера и антисептика, не от крови. Она тёрла ладони дольше нужного, пока Егор не закрыл кран.

— Кожа уже чистая.

— Я знаю.

Он подал бумажное полотенце и вышел первым. Дал ей минуту без камеры, тела и людей, которые ждали ответы в коридоре.

В коридоре ждала дочь Павла.

Ей было шестнадцать. Такая же узкая челюсть, те же светлые глаза. Девочка приехала с матерью из Находки и отказалась входить в комнату опознания.

— Я видела фотографии в интернете, — сказала она Илье. — Это он.

— В интернете ничего не публиковали официально.

— В поселковой группе выложили волнорез. Потом удалили.

Илья записал адрес группы.

Девочка заметила Веру.

— Вы Ланская?

— Да.

— Папа хранил вашу фотографию.

Мать резко повернулась к ней.

— Кира, не сейчас.

— А когда? Он уже умер.

Кира достала телефон. На экране Павел стоял в своей мастерской, за ним висела фотография трёх подростков у моря. Край был обрезан, лица почти неразличимы.

Вера попросила не пересылать снимок, а сохранить телефон до копирования исходного файла. Кира прижала аппарат к груди.

— Вы его заберёте?

— Только если согласишься или будет постановление. Сейчас можно записать, когда сделан кадр и кем.

— Я снимала весной. Папа не хотел вставать перед фотографией. Я специально поставила его туда.

— Он объяснял, кто на ней?

— Сказал, трое трусов и одна мёртвая девочка. На фотографии трое. Я спросила, где четвёртая. Он выгнал меня из мастерской.

Мать Киры закрыла глаза. Очевидно, этот разговор она слышала впервые.

— У него были приступы? — спросил Егор. — Потери памяти, паника, бессонница?

— Он не спал во время дождя, — сказала Кира. — Включал воду в ванной и сидел на полу. Я думала, из-за работы спасателем.

— Когда началось?

— Не знаю. Мама говорит, всегда.

Вера записала ответ без толкования. Страх воды объяснял Павла. Не убийцу.

Кира попросила показать список вещей, найденных в карманах. Илья зачитал: кошелёк, ключи, монеты, чек. На слове «часы» девочка подняла голову.

— Они чёрные, с треснувшей кнопкой?

— Да.

— Не его.

Мать Киры сказала, что Павел много лет носил одни и те же электронные часы. Кира покачала головой.

— Папины лежат в мастерской. Ремешок порвался весной. Он говорил, часы нельзя выбрасывать, потому что они остановились правильно.

— На каком времени? — спросила Вера.

— Не помню. Он прятал их в жестяной кружке с болтами.

Часы на теле остановились в 02:38. Если они принадлежали не Павлу, их надели после встречи или он взял чужие добровольно. Илья внёс уточнение в протокол и отдельно попросил мать описать прежний ремешок, не показывая найденный. Она назвала зелёную ткань и металлическую пряжку.

— В телефоне папы есть их фотография, — сказала Кира. — Он однажды прислал, когда просил купить такой ремешок.

Снимок нашли в переписке за март. На экране лежали другие часы: круглый циферблат, потёртый зелёный ремешок, носились внутрь запястья. В правом нижнем углу кадра попала жестяная кружка. Из неё торчал край чёрной фотоплёнки.

Илья попросил разрешения скопировать переписку. Кира согласилась только после того, как мать прочитала форму. Подпись поставили обе: дочь как владелица телефона, мать как законный представитель.

— Вы всё равно пойдёте в гараж? — спросила Кира.

— После постановления или с вашим согласием, — сказал Илья.

Она сняла с шеи тонкую цепочку. На ней висел маленький плоский ключ.

— Папа дал на прошлой неделе. Сказал, если пропадёт, открыть не раньше пятницы.

Сегодня была среда.

— Почему пятницы?

— Не сказал. Я подумала, он опять драматизирует.

Кира не отдала ключ сразу. Потребовала, чтобы при осмотре присутствовала она или мать и чтобы каждую вскрытую коробку записали. Вера услышала в её голосе Павла — привычку ставить условие даже тогда, когда просишь помощи.

Илья согласился. Ключ сняли с цепочки при видеозаписи, упаковали и выдали расписку.

— Он говорил, вы бросили их после того, как пропала девочка.

Вера вернула телефон.

— А вас на той фотографии четверо? — спросила Кира.

— У моря — четверо. У санатория должно было быть трое.

— Папа сказал наоборот.

Вера посмотрела на экран ещё раз. Снимок мастерской был тёмным, стекло рамки отражало лампу. Она увеличила угол. За обрезанным краем фотографии оставалось плечо человека, которого рамка скрывала почти целиком. Четвёртый мог находиться на исходном снимке или быть отражением Киры, стоявшей с телефоном.

— Нужен оригинал, — сказала Вера. — По этому кадру нельзя решить.

— Вы всегда так отвечаете?

— Когда нельзя решить — да.

— Он говорил неправду.

— Все так отвечают про мёртвых.

Кира села на скамью. Пальцы дрожали, но голос оставался ровным.

— За неделю до смерти папа позвонил. Сказал, скоро сможет объяснить, почему не приезжал. Попросил найти коробку в гараже. Там были задники с плёнкой и ключ. Я приехала — коробки не было.

Илья присел перед ней.

— Кто знал о гараже?

— Мама. Его напарник. Тётя Света.

— Светлана Юдина?

— Она привозила ему еду, когда он болел.

Мать Киры сжала ремень сумки.

— Светлана звонила вчера вечером. Спрашивала, говорил ли Павел что-нибудь о старом санатории.

— Во сколько?

— Около одиннадцати.

— Что вы ответили?

— Что мне надоело их детство. Они прожили в нём всю жизнь и заставляли остальных платить.

Кира закрыла лицо ладонями. Мать впервые коснулась её плеча.

Илья отвёл Веру в сторону.

— Светлана была последней, кто подтвердил разговор с Павлом.

— Подтвердил только звонок. Не встречу.

— И кровь у неё на рукаве.

— Результата ещё нет.

— Будет.

Телефон в его кармане снова зазвонил.

На этот раз он слушал дольше.

— Что? — спросила Вера.

— Анализ материала под ногтями. Женский профиль.

— Марина?

— Сравнения ещё нет.

— Светлана?

Илья посмотрел на прозрачный контейнер с фрагментом перчатки.

— Пока у нас есть только пол. И кровь Павла на рукаве Светланы.

Вера вспомнила бежевую каплю на сером костюме.

Не тональный крем.

Глава 6. Четвёртая дверь

К утру Светлана исчезла до того, как за ней приехали.

В порту она отметилась в восемь двенадцать, вошла в бухгалтерию и через чёрный ход вышла к складам. Камера сняла серый костюм и яркий плащ. Дальше Светлана попала в слепую зону между контейнерами. Телефон остался в ящике стола.

Кровь на рукаве оказалась кровью Павла. Пятно было маленьким, размазанным пальцами. Светлана могла коснуться его накануне. Могла бороться с ним ночью. Могла получить куртку уже после смерти.

Илья объявил розыск без формулировки «подозреваемая».

Её квартиру осмотрели при хозяйке дома. Постель не разобрана, дорожная сумка на антресоли, паспорт в ящике. Из шкафа исчезла только тёплая кофта. На кухонном столе остывал чай, рядом лежал блистер успокоительного с одной пустой ячейкой.

Камера над портовыми воротами сняла светлый фургон, выехавший через семь минут после Светланы. Номер заляпало грязью. За рулём сидел человек в кепке, пассажирское место казалось пустым. Фургон принадлежал подрядчику и днём стоял у «Прибоя» вместе с ещё пятью такими же.

— Она могла уйти между контейнерами и сесть внутрь сама, — сказал Илья.

— Или её уже ждали.

Охранник порта не помнил Светлану. В восемь утра менялась смена, пропуска отмечались автоматически. Живой человек исчез между двумя исправными камерами, и ни одна версия пока не требовала силы.

Из шести фургонов подрядчика два стояли на ремонте, три отмечались у санатория, один выехал за кабелем в районный центр. Диспетчер показал путевые листы, составленные одной рукой в конце смены. На машине, снятой у порта, задний фонарь был заклеен серой лентой. Та же лента виднелась на фургоне, который числился в ремонте.

Машину нашли в боксе без аккумулятора. Двигатель был тёплым, но механик объяснил это сваркой рядом с капотом. На полу кузова лежала белая изоляция, два мокрых ремня и женский волос. Волос мог принадлежать десяткам пассажиров. Ремни использовали для бухт кабеля. Илья опечатал бокс до приезда группы, не объявляя фургон местом похищения.

— Если Светлана была внутри, найдём её следы, — сказал он.

— Если кузов не вымоют через служебный слив.

— Слив перекрыли.

— Кто сообщил подрядчику, что мы ищем фургон?

Ответа не было. Механик уже успел позвонить прорабу, прораб — Шевцову. В маленьком посёлке розыск шёл быстрее официальных распоряжений и медленнее слуха.

Вера не верила ни одному слову, которым он это объяснил.

— Если она убийца, то зачем бежать после добровольного опроса? — спросила она.

— Потому что поняла, что оставила кровь.

— Если она следующая жертва?

— Тогда мы найдём её быстрее, не напугав того, кто за ней идёт.

— Ты уже напугал. В посёлке знают.

Они стояли у ворот «Прибоя». Дождь прекратился. Ветер с моря тянул туман между корпусами длинными полосами.

Санаторий занимал весь мыс. Главный корпус поднимался уступами, бетонные балконы нависали один над другим. На крыше торчали ржавые стойки старой вывески. Круглый знак над входом потемнел, но в центре ещё различался корабль в волнах.

За двадцать лет здание не стало меньше. Вера стала.

У ворот их ждал Аркадий Шевцов.

Рядом стоял тот самый тип фургона: белая «Газель» с логотипом строительной фирмы. В кузове лежали каски, кабель и рулоны белой изоляции. Номер был чистым и не совпадал с машиной у порта, но грязь на задних колёсах засохла двумя полосами.

Илья снял номер и пломбу на дверях кузова.

— Осмотр транспорта в постановление не входит, — сказал Шевцов.

— Пока только фотография снаружи.

— Вера Антоновна фотографирует внутри ограды.

— Тогда откройте ворота шире, — ответил Илья.

Шевцов не улыбнулся.

На похоронах он казался грузным. Здесь, в тёмной куртке и резиновых сапогах, держался прямо. Седые волосы зачёсаны назад. На запястье стальные часы, циферблат наружу.

— Илья Сергеевич, мы договаривались на два часа, — сказал он.

— Сейчас два десять.

— Строители ушли. Объект аварийный. За каждого отвечаю я.

Он посмотрел на Веру.

— А Вера Антоновна в каком качестве?

— Специалист по фотофиксации.

— У полиции нет фотографа?

— Есть.

— Тогда вопрос остаётся.

— А вы в каком качестве встречались с моим отцом двадцать восьмого июля? — спросила Вера.

Шевцов застегнул ворот куртки.

— Выражал соболезнования заранее, можно сказать. Антон плохо выглядел.

— Вы просили его не проявлять плёнку.

— Просил не ворошить старое дело без оснований. Он услышал то, что хотел.

— Откуда вы знали о плёнке?

— От него.

Ответ пришёл слишком быстро, но лицо Шевцова не изменилось.

Илья показал постановление на осмотр.

— Нам нужны старое крыло, котельная, подвалы и дренажные помещения.

— Подвалы затоплены.

— Нас предупредили.

— Карты нет. Архив санатория сгорел в девяносто девятом.

— Тогда пойдём по памяти.

Шевцов открыл ворота.

— Память — худшая карта этого места.

* * *

В вестибюле под ногами хрустело стекло. С потолка свисали провода. Стойка администратора лежала на боку, за ней чернели ячейки для ключей. Почти все пустые.

На пыльной стойке лежал свежий журнал посещений. Последняя запись сделана неделю назад: прораб, инженер, Шевцов. Сегодняшняя строка оставалась пустой.

— Охрана где? — спросил Илья.

— На южных воротах. Этот вход открываю лично.

— Значит, любой, кто вошёл ночью, сорвал замок?

— Или пришёл с моря. Забор там разрушен.

Шевцов произнёс это раньше, чем они спросили про путь без камер. Вера сняла замок крупно. Царапин не было, смазка на дужке свежая. Главным входом пользовались ключом.

За стойкой обнаружилась кружка с засохшим кофе и чек недельной давности. Никаких следов сегодняшнего дежурства. Охрана существовала на словах и в будке у других ворот, слишком далеко, чтобы слышать разбитое стекло.

Шевцов включил переносной фонарь.

— Реконструкцию остановили после обследования. Северная секция просела на восемь сантиметров. К морю не подходить.

Вера сняла общий план.

— Где старое крыло?

— За лечебным корпусом.

— Мы входили не через вестибюль.

— Дети редко пользуются главным входом.

Он повёл их по галерее. Окна с морской стороны были забиты фанерой, но в щелях вспыхивала вода. Под обвалившейся штукатуркой проступала синяя краска. На стенах сохранились стрелки: «Водолечение», «Ингаляторий», «Зал ЛФК».

У первой лестницы Вера остановилась. Поручень был холодный, покрытый липкой пылью. В памяти он оставался белым и гладким. Светлана сидела на нём верхом, Павел тянул её за ногу, Лида стояла внизу и просила прекратить. Теперь голос возник раньше лица.

— Тебе плохо? — спросил Илья.

— Нет.

— Ты перестала дышать.

Вера вдохнула. Воздух вошёл коротко, с запахом сырой извести. Она назвала вслух три предмета, которые видела: зелёный кабель, разбитый плафон, жёлтая каска Шевцова. Приём остался со времён, когда после седативного память возвращалась вспышками. Егор научил её много лет спустя и не знал, для чего она использует.

Шевцов ждал на площадке. Не спрашивал, почему они отстали. Его фонарь освещал ступень с тёмным пятном. Вера сняла пятно до того, как наступить. Оказалось машинным маслом, свежим по краям. Рядом отпечаталась половина подошвы рабочего ботинка.

— Строители были неделю назад? — спросила она.

— В разных корпусах работы прекращали постепенно.

— Когда на этой лестнице?

— Не веду маршрут каждого человека.

Он двинулся дальше. Вера заметила на заднике его правого сапога выщербину. Половина следа на ступени имела ровный край. Совпадения не было. Она не стала искать его там, где не существовало.

На повороте валялась детская сандалия. Новая, розовая, с блестящей пряжкой. Вера остановилась так резко, что Илья врезался в плечо.

— Не Лидина, — сказал он.

— Я вижу.

Размер был на подошве: двадцать девятый. Ремешок чистый, на светлой стельке ни одного отпечатка стопы. Сандалию вынули из коробки и бросили сюда недавно.

— Строители иногда приводят детей? — спросил Илья.

— На аварийный объект? Нет.

Шевцов не удивился. Только посветил дальше, как будто обувь была частью мусора.

Илья упаковал находку. Вера сняла место и след пыли под подошвой. Сандалию положили после того, как по коридору прошли двое взрослых: их отпечатки продолжались под ней.

Вера помнила запах мокрых полотенец и соснового раствора. Помнила женщин в халатах, очередь к кабинету физиотерапии. После закрытия эти запахи исчезли. Осталась сырость, плесень и железо.

У лестницы Шевцов остановился.

— Дальше каски.

Он открыл шкаф. Внутри лежали четыре новые строительные каски и коробка с перчатками. Синие нитриловые, без рисунка.

Илья посмотрел на коробку.

— Такими пользуетесь?

— И такими тоже.

— Кто имеет доступ?

— Строители. Охрана. Я. Любой, кто сорвёт замок.

Вера взяла каску. От внутренней ленты пахло чужим потом и слабой гвоздикой.

Она поднесла её ближе.

— Что? — спросил Шевцов.

— Средство от моли?

— Возможно. Склад обрабатывали.

Илья упаковал каску как образец. Шевцов пожал плечами, будто ему было всё равно.

На втором этаже галерея разветвлялась. Правый проход перекрыли досками. Левый вёл в старое крыло.

Вера узнала поворот по разбитой мозаике. Дельфин на стене потерял половину хвоста. В детстве они считали целые синие плитки на его боку. Павел насчитал сорок одну и соврал, что сорок две приносит удачу.

— Здесь, — сказала она.

Коридор был уже, чем в памяти. Три двери по левой стене: процедурная, кладовая, бывшая комната сестры-хозяйки. Напротив — глухая стена с потёками.

На штукатурке ещё виднелся белый прямоугольник, нарисованный мелом. Высотой с дверь. На месте ручки — круг.

Четвёртая дверь.

Илья достал пакет с ключом «П-4».

— Замка нет.

— Тогда не было тоже, — сказала Вера.

Шевцов посветил на стену.

— Детская игра. Отдыхающие рисовали что угодно.

— В закрытом крыле?

— До закрытия.

Вера приблизилась. Меловая линия была старой, впитавшейся в поры. Но круглая «ручка» выглядела свежее. По ней провели недавно, поверх пыли.

— Кто-то обновил рисунок.

Илья снял пробу. Потом простучал стену рукоятью фонаря. Первые удары отозвались глухо. За серединой прямоугольника звук стал пустым.

Шевцов стоял в трёх шагах. На лице появилось раздражение.

— Там техническая ниша. Трубы вентиляции.

— Карты сгорели, — напомнила Вера. — Откуда знаете?

— Я работал здесь.

— Молодым ординатором.

— И ординаторы иногда видят стены.

Илья осветил пол.

В пыли тянулись следы. Взрослая обувь входила со стороны галереи, подходила к нарисованной двери и возвращалась. Рисунок подошвы был стёрт. Рядом начиналась цепочка маленьких босых отпечатков.

Первый отпечаток лежал поверх взрослого следа, второй пересекал трещину и не уходил в неё. Кто-то прижимал форму сверху, не учитывая рельеф пола. У дальней стены на высоте человеческого бедра виднелась полоса, где рукав стёр пыль.

Вера провела лучом вдоль полосы. Человек двигался боком, наклоняясь к полу каждые семьдесят сантиметров. Конец пришёлся как раз к меловой двери.

— Работал без спешки, — сказала она. — Здесь ему никто не мешал.

Илья посмотрел на Шевцова.

— Камеры внутри?

— Отключены после остановки стройки.

— Сигнализация?

— Только на главном входе.

— Журнал срабатываний запросим.

— Запрашивайте.

Шевцов ответил спокойно. Или знал, что журнал ничего не покажет, или действительно не имел отношения к постановке.

Они шли от дальней стены.

Пять следов. Правый, левый, правый. Пальцы чёткие, пятки едва касались пола. Последний отпечаток упирался в меловой прямоугольник.

— Ребёнок? — спросил Илья.

— Здесь нет детей, — сказал Шевцов.

Вера присела, не заходя за линию следов. Длина стопы около девятнадцати сантиметров. Ребёнку лет восемь-девять. Но расстояние между шагами было взрослым — почти семьдесят сантиметров.

— Их сделали рукой, — сказала она.

Илья наклонился.

— Почему?

— Давление на пальцы одинаковое. При ходьбе большой палец глубже. И нет переноса пыли вперёд.

Она сфотографировала следы сбоку. У пятого отпечатка заметила тонкую борозду, как от края формы.

— Штамп.

— Очередная постановка, — сказал Илья.

Шевцов усмехнулся.

— Или чья-то неумная шутка.

— Когда вы были здесь последний раз? — спросил Илья.

— Неделю назад.

— Один?

— С прорабом.

— Имя.

Шевцов назвал.

Илья записал и вернулся к стене. Провёл фонарём вдоль пола. У плинтуса между штукатуркой и доской темнела металлическая щель.

Ключ «П-4» вошёл в неё наполовину.

На стержне ключа было две зоны износа. Старая доходила до середины, металл там потемнел и сгладился. Свежая царапина шла дальше, к бородке. Раньше ключ вставляли неглубоко и поворачивали скрытый рычаг. Недавно кто-то пытался использовать его как обычный дверной, давил до упора и повредил паз.

— Павел не знал механизм, — сказала Вера. — Если ключ был у него до смерти, он мог прийти сюда и не открыть.

Илья снял слепок щели. Внутри виднелась белая смазка и красное волокно. Смазку нанесли недавно, волокно лежало глубже под старой пылью. Человек в красной одежде или с заколкой был у механизма ещё до закрытия корпуса.

Шевцов смотрел на ключ, не на стену. Большой палец его правой руки повторил короткое движение назад, будто тело помнило правильный способ открыть замок. Вера сняла положение рук общим кадром. Жест не был доказательством знания. Но теперь она знала, какой вопрос задать позже.

— Здесь есть замок, — сказал он.

Шевцов впервые подошёл ближе без приглашения.

— Не поворачивайте. Если механизм связан со старым коробом, обрушите кладку.

— Вы только что сказали, что там ниша с вентиляцией.

— Именно поэтому.

Илья вынул ключ.

— Вскроем со строителями и экспертом.

До старого крыла они проверили лестницу к подвалу. Её перекрывала сварная решётка с новым замком. Шевцов объяснил, что вода подмывает фундамент и проход опасен.

На свежей сварке уже появилась ржавчина. Замок был новым, а петли старые. Решётку не устанавливали целиком: её закрывали и открывали много лет, меняя только запор.

Вера осветила нижний край. Там застряла зелёная нитка, мокрая и чистая. Такая же могла попасть в рот Павла из технической воды. Илья снял её пинцетом и положил в пакет.

Шевцов наблюдал за руками Веры.

— В старых зданиях все волокна похожи, — сказал он.

— Вы правы, — ответила она. — Поэтому сравнивают состав, краситель и разрыв.

Он отвёл фонарь к стене.

На стене рядом висела схема эвакуации. Нижний уровень закрасили серой краской, но под ней проступали линии помещений.

Вера осветила схему сбоку. От лестницы шли два коридора: один к котельной, второй обрывался у прямоугольника без подписи.

— Резервуар? — спросила она.

— Старая насосная, — ответил Шевцов.

— Вы всё-таки помните технические помещения.

— Помню, что насосная существовала. Не знаю, где именно.

Илья снял краску ватным тампоном на краю линии. Под ней обнаружилась цифра семнадцать. Шевцов посмотрел и сразу отвёл глаза.

Из подвала тянуло гвоздикой и застоявшейся водой. Вера подошла к решётке. В пыли за ней лежала свежая медицинская маска. Резинки ещё не пожелтели.

— Рабочие ходят? — спросил Илья.

— Через другой вход.

— Кто запирает этот?

— Охрана.

Ключ на связке Шевцова подошёл к замку, хотя он сперва выбрал два неправильных. Илья отметил это в протоколе, но решётку не открыл без оборудования.

Вера сфотографировала схему, маску и подошвы Шевцова. На его сапогах грязь лежала двумя полосами: нижняя высохла, верхняя блестела.

Так мог выглядеть человек, дважды прошедший по кромке прилива. Или владелец санатория, который утром обошёл собственный берег.

Перед вскрытием замка они осмотрели три настоящие двери.

В процедурной остались шкафы с выломанными ящиками и стол на колёсах. На полу лежали стеклянные трубки, потемневшие от времени. Шевцов держался у порога.

Стол имел сетчатую полку. Расстояние между поперечными прутьями совпадало с полосами на бёдрах Павла. Одно колесо было новым, остальные покрывала старая ржавчина. На резине нового колеса застряла красная гранитная крошка.

— Эту каталку использовали строители? — спросил Илья.

— Возили инструменты. Возможно.

— Кто менял колесо?

— Подрядчик.

Илья не тронул стол до прибытия криминалиста. Отметил комнату на схеме и позвонил группе. Шевцов недовольно взглянул на часы.

— Если вы будете изымать каждый предмет, осмотр закончится через неделю.

— Если на нём везли Павла, неделя — дешёвая цена.

— Здесь проводили промывания и ингаляции, — сказал он. — Ничего интересного.

Вера сняла внутреннюю сторону двери. На лаке сохранились детские царапины: ростовые отметки, имена, кривой кораблик. Под ручкой кто-то вырезал «Л. Р.».

— Лида?

— Сотни пациентов, — ответил Шевцов.

— В закрытом крыле не было пациентов после двухтысячного.

— Дети проникали сюда и раньше.

В кладовой пахло сухой известью. На верхней полке стояли банки из-под фотохимии. Мерц закупал такие в ателье. Одна крышка была закручена поверх куска красной ткани.

Илья велел упаковать банку.

— Фотограф работал для санатория, — сказал Шевцов. — Снимал процедуры, праздники, медицинские карточки. Его расходники были в каждом корпусе.

— Почему вы помните расходники, но не техническую нишу? — спросила Вера.

— Потому что фотографии видел, а в стены не лазил.

Третья комната принадлежала сестре-хозяйке. За столом сохранилась доска выдачи ключей. Крючки были подписаны: «П-1», «П-2», «П-3». Место четвёртого пустовало, но в дереве осталась более светлая полоска от алюминиевой бирки.

— Значит, П-4 существовал, — сказал Илья.

Шевцов осмотрел доску.

— Мог быть подсобный шкаф.

— Или дверь, которой нет на плане.

В ящике стола Вера нашла журнал выдачи. Последние страницы вырвали. На корешке сохранился клочок строки: «Беляев Н. — П-4 — 22:...»

Ниже проступал нажим с вырванного листа. Вера положила бумагу под косой свет. Буквы читались частями: дата, фамилия Шевцова, номер семнадцать. Она не стала обводить след карандашом, только сняла серию кадров с разными углами лампы.

— У вас была смена с Беляевым? — спросила она.

— У меня были смены со всем техническим персоналом.

— В двадцать два часа?

— Я дежурил сутками.

— А семнадцать что означает?

Шевцов посмотрел на вдавленный след.

— Палата. Узел. Номер ключа. Через двадцать лет выбирайте любой ответ.

— Вы уже выбрали «насосную», когда увидели цифру на схеме.

Илья поднял руку, останавливая обмен. В протокол вошли слова обоих, а не вывод.

Шевцов потянулся к журналу, но остановился, увидев перчатки Веры.

— Беляев был завхозом. Имел доступ ко всем техническим помещениям.

— Вы сказали, такой двери не было.

— Я сказал, что не помню.

— Нет. Вы сказали: детская игра.

Илья записал точную фразу.

Шевцов вышел в коридор. На затылке у него выступил пот, хотя в корпусе было холодно.

Вера положила журнал в пакет. Под столом заметила засохший след босой ноги, взрослый по размеру. Он уходил к стене и обрывался у мелового прямоугольника.

— Здесь мы не первые, — сказала она.

Из-за стены донёлся стук.

Один удар.

Пауза.

Ещё два.

Шевцов перестал дышать на мгновение. Вера увидела, как напряглась кожа у него под челюстью.

— Трубы, — сказал он. — Ветер.

Илья приложил ухо к стене.

Стук повторился. Теперь ниже, почти у пола.

Три удара. Пауза. Один.

Вера помнила этот ритм.

В ту ночь Павел стучал ей из темноты: три коротких, один длинный. Их детский сигнал «уходи».

Она отступила.

За спиной скрипнула дверь процедурной.

В проёме никого не было. На полу комнаты стояла деревянная фотокамера Мерца. Та самая, которую они пришли украсть двадцать лет назад.

Мех был раздвинут. Объектив смотрел в коридор.

Вера вошла первой.

— Не трогай, — сказал Илья.

Она остановилась.

На матовом стекле под чёрной тканью проступало перевёрнутое изображение коридора: меловая дверь, Илья, Шевцов.

Камера стояла на трёх ножках, четвертую заменял обломок кирпича. На деревянном корпусе не было пыли, кроме прямоугольника вокруг замка задника. Её принесли недавно. Объектив смотрел точно на меловую дверь, но матовое стекло показывало больше: всю ширину коридора и кусок процедурной.

— Там вставлена пластина, — сказала Вера.

— Не касаться, — повторил Илья.

Она подняла чёрную ткань краем фонаря. В пазу задника виднелось тонкое зеркало. Изображение на стекле шло не прямо через объектив: его подмешивали отражением из боковой щели стены.

Человек мог находиться за штукатуркой. Камера превращала его отражение в фигуру посреди коридора.

И ещё один человек.

Он стоял между ними, хотя в коридоре там было пусто.

Вера наклонилась ближе. Светлая одежда оказалась врачебным халатом. Лицо скрывал отблеск. Рука лежала на плече Шевцова.

На запястье были часы, повёрнутые циферблатом внутрь.

— Аркадий Львович, — сказала Вера. — Вы всегда носили часы наружу?

Шевцов посмотрел на своё запястье.

За стеной ударили снова.

На этот раз из пустоты ответил детский голос:
— Не открывай.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.